

№ 12`

Декабрь 1999 г.

УХТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ

Тамара Новикова

ОЧЕРКИ

КОЛОНКА ПИСАТЕЛЯ

Имя Тамары Новиковой хорошо известно читателям газеты “Ухта” и республиканских газет “Красное Знамя” и “Республика”. Известно оно и членам Ухтинского и Сыктывкарского литературных объединений. Ее статьи, очерки, небольшие рассказы, публикуемые в газетах, всегда вызывают живой интерес у читателей. Художественные рассказы Т.Новиковой включались в коллективные сборники, издаваемые Коми книжным издательством.

В сборник, предлагаемый для издания отдельной книгой, включены как публиковавшиеся в разное время в газетах очерки, так и еще неопубликованные ранее произведения.

В них Т. Новикова поднимает социально-экономические проблемы, стоящие сегодня особенно остро как в городе, так и в коми деревне: “Большуха Агафья”, “Красивый Бор” хочет жить!”, “Иждивенцы, кулаки... а, может, хозяйева?”, “Жизнь моя... иль ты приснилась мне?” и др. И проблемы нравственно-этического характера: “Мама на обочине”, “Собака бывает кусачей”, “Прости меня, Юра!”, “Ночлежка” и др. При этом автор не дает никакого рецепта решения этих проблем, а фокусирует внимание читателей на них, как бы приглашая вместе с ней поразмышлять над ними, определить свое отношение к жизненным ситуациям, ко всему, что происходит сегодня в нашем обществе.

Очерки и рассказы написаны профессионально, с большим литературным мастерством и, думаю, как раз это, в совокупности с актуальностью затронутых в них тем, оказывает на читателя особенно большое воздействие.

Считаю, что сборник Тамары Новиковой может стать пусть небольшой, но значимой частью той правдивой информации о нашем сегодняшнем времени, по которой наши потомки будут узнавать о нас.

Борис Шахов

Член Союза писателей России

Тамара НОВИКОВА

ОЧЕРКИ

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ДЕЛОВОЙ ЖЕНЩИНЫ

ПРОЛОГ

Общественно-политическое движение женщин России объявило новый конкурс “Женщина-98”, в котором приняла участие и Республика Коми. Жители Ухты выдвинули от нашего города три наиболее достойные, на их взгляд, кандидатуры. Среди них – заместитель главы городской администрации Антонина Алексеевна Каргалина.

Это показалось нам интересным. Ну, одна из представителей городской власти. Ну, умная деловая женщина-руководитель. Но при чем здесь “Женщина года”?

ТАКОЙ ДЛИННЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Но именно из них, этих дней, складываются недели, месяцы, годы. Складывается жизнь...

8 час. 30 мин. Почта. Многочисленные письма. Каргалина просматривает их, сортирует – ими займутся ее сотрудники. Вот задумалась над одним, прочитала еще раз, отложила в сторону. Значит, по этому письму предстоит работать ей.

9 час. Утренняя планерка у “шефа”. Здесь идет расстановка сил на день.

9 час. 30 мин. Обсуждение проекта новой Программы молодежи. Каргалина уже давно добивается изменения в привычных методах работы с молодыми ухтинцами. И сейчас настаивает на том, что эту работу должны возглавить люди равнодушные, деятельные, хорошо знакомые с молодежными проблемами.

10 час. 15 мин. Ухтинский Дом ребенка. Каргалина часто приходит сюда. Ценою ее усилий, о которых не рассказать словами, полтора года назад он приобрел еще один статус: Центра медико-социальной реабилитации. Но она хорошо помнит, как нелегко ей удалось отстоять право родителей на бесплатное лечение детей. Казалось бы, все просто, есть закон, и он на их стороне, но...

“Понятно, что на содержание Центра нужны деньги и немалые. Но только не за счет несчастной матери, которая и без того несет по жизни свой крест – болезнь ребенка, – убеждала Антонина Алексеевна своих оппонентов. – Наша задача – помочь ему выздороветь, а не запускать при этом руку в карман его родителей, нарушая тем самым законные их права”.

Отстояла. А теперь она дотошно осматривает учебные классы и детские спальни, врачебные кабинеты и кухню. И мрачнеет: все хорошо, а вот с питанием детей – плохо. Нет денег на продукты, пустеют некогда полные кладовые. Значит, снова надо принимать срочные решения.

Почему ее так остро трогает все, что относится к детям? Потому что она сама – мать? Или потому что ей довелось пережить в детстве и юности?

...Небольшая деревенька в Сибири. Послевоенное запустение, разруха и голод. Маленькая Тоня вместе с пацанами играет в войну. Белоголовый драчун Колька, конечно, Олег Кошевой, а она, строгая Тоня – Ульяна Громова. Ох, как же истово все они верили, как по-настоящему стояли насмерть “под пытками”, как горячо выкрикивали, “погибая”: “Смерть немецко-фашистским захватчикам!”

Тоня отлично училась в школе и всегда была в самой гуще всех ребячьих дел. И когда получила за это неслыханную награду – путевку в пионерский лагерь – была на вершине счастья. Но поехать туда она не смогла, ей нечего было одеть. В доме не было денег. Мама плакала...

А когда через год Тоню направили на пионерский слет, мама заняла у соседней кирзовые ботинки для дочки, и та, гордая, делегировала из деревни в город...

11 час. Заседание комитета по проведению Дня защитников Отечества. Масса предложений – хороших и дельных – обсуждается сообща. Наконец все оговорено. Но чей-то голос опускает всех на грешную землю: “Однако денег на все это еще нет ни копейки...” И все взоры устремляются на Каргалину. Та вздыхает: “Составляйте смету. Деньги раздобуду”.

И раздобыла. И поехала на кладбище вместе с матерями, чьи сыновья были убиты на “мирных” войнах. И стояла рядом с ними у могил, разделяя их горе.

11 час. 45 мин. На столе перед Каргалиной смета на капитальный ремонт спортивных помещений. А любая смета – это опять деньги... Некоторые, наверное, думают: до спорта ли теперь? Но Антонина Алексеевна считает, что это нужно детям, нужно молодежи, а по большому счету нужно людям всех возрастов. Ведь “не

хлебом единым жив человек”. А раз нужно – значит, должно быть.

12 час. 20 мин. Перед заседанием комиссии по делам несовершеннолетних, председателем которой она является, Каргалина еще раз просматривает материалы и документы. И долго не может успокоиться после этого. Детские и подростковые истории, изложенные в них, уже в который раз потрясают ее, она даже меняется в лице...

13 час. 30 мин. Совещание по подготовке к городской конференции работников Управления по социальным вопросам. В потоке информации, мнений и дебатов можно просто захлебнуться. Но о том, как мастерски Каргалина управляется со всем этим, следовало бы отдельно написать поэму. Это – искусство, которым владеют очень немногие руководители.

Социальная помощь горожанам и поддержка общественных объединений – это как раз та ипостась, в которой Антонина Алексеевна ярче всего проявляет себя как женщина и мать.

...Подрастая, Антонина мечтала стать то военным врачом, то юристом, то агрономом. Ею все время двигала готовность кого-то защищать, отстаивать, возвращать. К юности все желания сконцентрировались на одном универсальном деле: стать учителем. Это было как раз то, в чем проявились бы все качества ее беспокойной натуры.

Антонину привлекали иностранные языки. И, чтобы понять страну, пытавшуюся поработить ее Родину, она остановила свой выбор на немецком. В 1965 году она закончила Новосибирский педагогический институт и получила диплом преподавателя немецкого языка.

Десять лет она отработала учителем в школе № 1 в сибирском городе Чулыме. Двенадцать лет – директором школ № 8 и 11 в Ухте. Затем в течение трех лет возглавляла городской отдел народного образования. И все эти годы Антонина Алексеевна считает лучшими в своей жизни. До сих пор, хотя прошло уже восемь лет, как она заняла пост заместителя главы администрации города, проблемы образования остаются ее главными задачами. Почти личными.

...Ее энергия поражает. Создается впечатление, что она никогда не устает. Но оно – обманчиво. Часто под гнетом трудноразрешимых проблем она вдруг обхватит голову руками, закроет глаза и застынет на несколько мгновений...

15 час. А сейчас – самое главное и самое трудное: прием граждан по личным вопросам. Нескончаемой чередой идут люди к Каргалиной: с бедами и жалобами, с кляузами и предложениями, с просьбами и требованиями. И к каждому необходим свой “ключик”. Многие годы общения с людьми выработали в ней практически безошибочный “глаз-алмаз”, которым каждого она, что называется, видит насквозь.

Нет, она вовсе не старается выглядеть “добренькой” для всех – это как раз то, что она не приемлет. “Простота хуже воровства” – говорят в народе. Так уж устроена человеческая натура: почувствовал кто-то в другом слабину – и “давит” на нее вновь и вновь. Был такой случай: одна гражданочка слезно выпросила у Каргалиной материальную помощь на похороны мамы. Спустя какое-то время она вновь пришла к ней и, полагая, что вряд ли ее запомнят, снова стала просить “хоть как-то похоронить бедную маму”.

Эх, надо было видеть лицо Каргалиной в тот миг! Долго она потом кипела от негодования.

“Терпеть не могу человеческой хитрости и лжи, просто не выношу! Да, многим людям сегодня трудно. И я готова сделать все возможное для тех, кто действительно в этом нуждается. Но когда хитрые ловкачи пытаются “навешать лапшу на уши”... я прямо заболела от этого”.

Поток людей несет и выплескивает на нее столько своих бед и личного горя, что спокойно выдержать все это просто невозможно. Для этого необходимы железное здоровье и непробиваемые нервы. Ни того, ни другого у нее нет. Зато есть умение вникать в самую суть дела, способность держать себя в руках и принимать конкретные решения по любой частной или городской проблеме.

Однако социальная помощь – далеко не единственная сфера деятельности заместителя главы администрации. Антонина Алексеевна работает не сама по себе, она – в команде. В городе до сих пор нормально функционируют детские сады и школы. Несмотря на тяжкие времена, у нас не рушатся, а создаются новые важные “очаги”: учреждение для трудных подростков, Центр реабилитации больных детей, приют и ночлежный дом, учреждения культуры. Не отдана “под офис” ни одна комната школьника. Подобными результатами вряд ли может похвастать какой-либо другой регион Севера. И во всем этом – безусловная заслуга Каргалиной. Нуждается ли это в каких-то дополнительных комментариях?

“...Спасибо вам от бомжа, который много лет ютился на чердаках, а теперь спит в чистой постели и тепле. Спасибо вам за ночлежный дом, который стал родным домом для меня и таких, как я...” (из поздравительной открытки Каргалиной к Новому году).

“Я чувствую себя виноватой...” – странно было услышать такие слова из уст “железной леди” (общепринятый термин для определения характера деловых женщин).

– Значит, были в вашей жизни случаи, о которых не хочется вспоминать, Антонина Алексеевна?

– Наверное, такие случаи бывают в жизни каждого человека. И я – не исключение. Когда для меня наступит время покаяния перед небесами, я начну с эпизода, о котором помню до сих пор, хотя произошел он очень давно. Однажды мое резкое, но по сути своей правильное требование привело к тому, что человеку стало плохо, у него был сердечный приступ... С тех пор я стараюсь держать себя в руках, даже если внутри все кипит от возмущения. Правда, следует признать, что не всегда мне это удается, и я срываюсь... А потом очень переживаю. Ведь человек – существо хрупкое и ранимое.

– А вы?

– И я из того же теста. От клеветы, от обиды, от непонимания могу и разреваться. Просто жизненная позиция и свойства моей натуры не позволяют мне быть “хрупкой”. Просто не имею права.

– Вы относите себя к категории “железных леди”?

– Вот уж нет! Никакая я не “железная”. Об этом очень хорошо знает моя подушка бессонной ночью.

– И все же, по большому счету, вы довольны результатами своей работы?

– Однозначно сказать не могу. Я не боюсь трудностей, привыкла к ним, научилась их “разгребать”. Но так много зависит не от нас! Раньше и в страшном

сне не могло привидеться, что когда-нибудь мне и моим коллегам придется отвечать за чьи-то государственные промахи: невыплату заработка, детских пособий, льгот, мизерность пенсий. Причем я чувствую себя виноватой перед людьми, которым плохо и тяжело. Зато я от души радуюсь всякий раз, когда мне удастся кому-то помочь, что-то “пробить”.

– А когда вы отдыхаете?

– Практически все субботы у меня – рабочие. Зато первая половина воскресенья – моя! Я отсыпаюсь за всю неделю. А потом – стирка, уборка... Или вы думаете, что у меня есть домработница? (смеется). Нет, я все делаю сама. Но дом – это отдельная моя печаль. Я особенно виновата перед своей семьей. Слишком много значит для меня моя работа, а потому и слишком мало времени оставляет мне она для моих близких. Я всегда недодавала им внимания, тепла и ласки. В душе я очень сожалею об этом, но жить иначе уже не могу. А надо бы. Ой, как надо нам, женщинам, в первую очередь быть мамами, женами, а уже потом – работницами! Но – такова моя судьба, такова я – что тут поделаешь?

ЭПИЛОГ

Рабочий день закончился. Здание администрации почти опустело. Но Каргалина все еще принимает людей. Наконец ушла последняя посетительница. Старушка просила помочь приобрести новую куртку для своего опекаемого внука (собаки порвали ее прямо на нем, теперь мальчонке выйти на улицу не в чем!). Пятясь к двери, она все восклицала: “Какое же вам спасибо, Антонина Алексеевна! Дай вам Бог здоровья за вашу доброту. Уж в который раз я ухожу от вас успокоенной. Побольше бы таких людей на свете, глядишь, и другим полетче бы жилось, а то ведь иной раз хоть пропадай”.

Всё. На сегодня все дела завершены. Но Антонина Алексеевна не уходит. Сидит, обхватив голову руками и на миг прикрыв глаза. Это – короткий отдых. Трудно вот так, сразу, переключиться от проблем рабочих на дела домашние. Сейчас она это сделает. Ведь она – жена, и она – мама. И ее ждут дома.

Сейчас. Вот только отдохнет чуточку...

НА ВОЙНЕ – КАК НА ВОЙНЕ...

*” А на войне – как на войне,
Солдаты видят мамку во сне ”...*

...Грохот орудий, визг путь и гарь. Открытые мертвые глаза друга, устремленные в никуда. Бешеный перестук сердца, заглушающий все звуки войны. Мучительный рывок всем телом – и потрясение: “Господи, я ведь дома! Это же было год назад!”

ЭТО БЫЛО ГОД НАЗАД,

когда двадцатилетний Вадим Никитин, служить которому осталось всего шесть месяцев, вместе с другими ребятами своего взвода впервые ступил на чеченскую землю. Странное это было ощущение – вроде как в кино. Война воспринималась как-то отстраненно: умом-то он понимал, что тут запросто и убить могут, но почему-то реально это к себе не относил. Жажды рваться в бой тоже не было: ребята просто глазели по сторонам из окон машин – интересно же...

Иногда чеченские чумазы пацаны стучали в окна и двери машины, крича русским солдатам: “Эй, зачем приехали? Обратно вы не вернетесь!” Когда ребята ходили на рынок – потолкаться, посмотреть – их окружала толпа, состоящая в основном из диковато-красивых чеченских женщин, сердитых старух и бойких пацанов, которые тоже требовали: “Убирайтесь к себе домой! Чего вам здесь надо?”

Батальон оперативного назначения (БОН), к которому был причислен Вадим, дислоцировался на окраине города Гудермеса. В течение полутора месяцев его задачей была охрана комендантского пункта, и невольно думалось: может, так и до “дембеля” дотянем, без всякой войны?

Но однажды ночью спящих солдат подняла тревога: “В ружье!” Оказалось, в Гудермес вошли чеченские боевики. Поднялась беспорядочная пальба. С трех ночи до семи утра ребята палили в сторону города, посылая выстрел за выстрелом наугад, бесприцельно – таков был приказ. Вадим тогда чуть не оглох от грохота.

Утром в разведку было послано шесть “БТРов”. Обрато вернулся только один – разбитый, покореженный, ведомый одним-единственным солдатиком, оставшимся в живых, у которого уже не было ног...

ТАК ДЛЯ ВАДИМА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА.

Трижды предпринимался штурм Гудермеса, основной пришелся на 20 декабря. Это был уже настоящий бой, которого ему не забыть никогда. Как не забыть и молоденького снайпера, который вдруг отказался стрелять... Отбросив оружие и обхватив голову руками, он плакал, по-детски кривя лицо: “Не могу... Не могу...” А бой разгорался, рядом падали его друзья – мертвыми, ранеными. И в конце концов, “тот, который не стрелял”, схватил свое оружие. Плача, крича и матерясь, он стал делать то, что делают на войне – убивать. На него было жутко смотреть, это был уже совсем другой человек. Теперь он мог все...

Сначала Вадиму было страшно – еще бы! Шквальный огонь заставлял прижиматься к земле, не было возможности даже голову поднять. Но когда ранили командира взвода, старший сержант Никитин получил приказ взять командование на себя. Вскоре по рации был получен приказ “Отходить!”. Вадим передал его для всех ребят – и стали поспешно отползать. А его армейский друг остался лежать. Вадим по-пластунски вернулся за ним, затормошил, перевернул на спину и оцепенел, увидев раскрытые неподвижные глаза, припорошенные грязным снегом.

ЭТО БЫЛ “ВЕСЕЛЫЙ”,

и никто его не звал иначе. Насмешник и балагур, он никогда не унывал. Он один мог уморить до изнеможения весь взвод. Вадим был с ним бок о бок с самого начала службы, и до “дембеля” им обоим оставалось всего две недели. Позже Вадим поедет на могилу к “Веселому” в Новокузнецк, посетит его

осиротевших родителей, потерявших единственного сына. И узнает, что в части, где они служили, в их казарме для “Веселого” навсегда оставлена его койка, заправленная как при нем. И цветы на тумбочке под портретом. Солдат “Веселый” навечно остался служить в армии...

Но это будет потом. А сейчас, в дыму и грохоте, Вадим своей ладонью закрыл всегда развеселые глаза друга – и заплакал. Впервые заплакал на этой войне. И в последний раз.

“ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА ЧТО-ТО СВОЕ...”

Это Вадим понял не сразу. Особенно обдумывать происходящее было некогда. Ему просто казалась, что эта война какая-то странная, ничем не похожая на ту, Великую, о которой читал книги и видел фильмы. Там солдаты были одержимы идеей защиты Отечества от захватчиков. Их боевой дух постоянно поднимали политруки и командиры. А здесь просто издавались приказы: “Открыть огонь!”, “Прекратить огонь!” И все. Да в принципе большего и не требовалось. Рассуждать на тему о том, что это за война, кто за что воюет, ни Вадиму, ни ребятам совершенно не хотелось. У всех была только одна мысль: лишний раз не высовываться, а то не сносить головы. И одно желание: уцелеть и поскорее вернуться домой. Почему-то после боя, когда все нервы напряжены, как оголенные провода, ребята засыпали каменным сном, и им всем почти всегда снились мамы. Утром шутили: “Тебе опять маманя приснилась? И мне тоже! Да что это такое, в самом-то деле? Хоть бы девчонка какая приснились, а то все мама да мама!”

...Колонна “БТРов” двигалась по разбитой дороге, как неожиданно откуда-то вынырнул чеченский мальчонка лет семи. Вадим успел увидеть только щуплую фигурку с гранатометом на плече. Никто не успел опомниться, как мальчишка жажнул из оружия по “БТРу”, возглавлявшему колонну, но не попал. Взрывная волна пошла низом – никто не пострадал. Парнишка бросился бежать. Колонна возобновила свое движение...

Наших ребят предупреждали: все чеченцы поголовно – от детей до стариков – хитрый, мстительный, коварный народ. Надо постоянно быть начеку: от них всего можно ожидать. Из уст в уста передавался страшный рассказ: однажды чеченские боевики предприняли вылазку, применив так называемый “живой щит”: гнали перед собой толпу

женщин, детей, пленных русских ребят. Наши солдаты опустили автоматы, несмотря на то, что между ними метался командир и кричал: “Огонь!”, “Открыть огонь!”. Но они не смогли: ведь там были свои, и там были женщины, державшие у груди младенцев. Подойдя ближе, “живой щит” ожил: в руках женщин и стариков появилось оружие, из которого они стали поливать растерявшихся солдат. Всех ребят уложили...

Этот случай потряс Вадима. Он не знал, что испытывает. Страх? Ненависть? Нет, пожалуй, не было ни того, ни другого. Было недоумение. И была мысль: они защищают что-то свое, родное – все вместе, насмерть. А что защищал он, Вадим?

Но и об этом задумываться было некогда. Поступил приказ: освободить от боевиков один из дачных поселков под Гудермесом.

В том бою Вадим был ранен, попал в госпиталь. Ранение, к счастью, нетяжелое: осколок засел под бровью, хорошо, что не в глаз. Четыре дня в госпитале, и снова на войну. А тут новость – он, Вадим Никитин, награжден орденом Мужества. Вскоре и долгожданный “дембель” наступил. Капитан Веселков, уважаемый всеми ребятами, прошедший и Афган, и Чечню, сказал Вадиму на прощание, что лично проследит за тем, чтобы награда “догнала” его. И выполнил свое обещание. Спустя ровно год, Вадим получил этот орден. Радовался ли он ему? Конечно, удовлетворение было. Все-таки орден Мужества – это вроде символа того, что он, Вадим, не струсил, честно выполнял свой долг солдата. Но героем в истинном значении этого слова он себя не считает, как, впрочем, и другие ребята тоже. Ведь герой – это прежде всего победитель. А были ли они победителями? Или потерпели поражение? И вообще –

ЧТО ЭТО БЫЛО?

С войны возвращались, почти пьяные от радости, что живы, что скоро будут дома. Но состояние было точно такое, как в песне поется: туда ехали – “громко пели и пили вино”, а обратно – “просто молча смотрели в окно”. Они возвращались домой другими...

Вадим обо всем этом больше не думает. Впереди – целая жизнь. Работа. Мама, отец, брат с сестрой. Сейчас вот и любовь пришла. Чего еще человеку желать?

...Но снова и снова вжимается он лицом в промерзшую землю и глохнет от грохота войны. Снова и снова закрывает он мертвые глаза друга. И плачет. И просыпается от сумасшедшего захлеба сердца. И до сих пор не поймет: так что же это было?

“ПРОСТО Я ЕГО ЛЮБЛЮ...” –

так ответила Наташа, когда ее спросили, почему она вышла замуж за инвалида.

Конечно, глядя на Володю, не скажешь сразу, что он увечен. Красивый, живой, крепкий парень с улыбочивым взглядом. Есть во всем его облике что-то серьезное, основательное, прочное. Но уже через миг этот взгляд и это лицо могут стать насмешливо-ироничными, озороватыми. И весь он – будто тугая пружина, распираемая изнутри жизненной энергией, внутренней силой, которых хватит, кажется, на десятилетия...

Именно она, эта жизненная сила, и дает ему возможность таким быть, а не казаться. Именно она заставила его подняться на неживые ноги, когда это было практически нереально.

И это именно она прячет за насмешливостью и озороватостью постоянную мучительную

БОЛЬ.

Вот уже десять лет, как эта боль не отпускает Володю. Сначала острая, физическая – производственная травма, перелом позвоночника, “мертвые ноги”... Позже – еще острее, еще сильнее – когда заново учился сидеть, ходить, жить.

О том, что отныне он навсегда будет прикован к постели, врачи напрямую ему не говорили. Но он читал это в материнских глазах, почти ослепших от слез. В нарочито-бодрых, фальшивых утешениях друзей. Об этом он догадался, когда от него ушла подруга, с которой он так недавно связывал свои жизненные планы. Она ушла, и он не осуждал ее. Все правильно: к чему ей немощный инвалид?

Но именно тогда к боли телесной прибавилась и боль душевная. Кто хоть раз испытывал ее, тот знает: она-то страшнее всего бывает. Если не преодолеешь ее – скрутит. До отчаяния доведет, до безысходности.

Володя ее одолел. Как и немощь свою телесную. Заставил-таки ожить ватные свои ноги. Стал ходить. И все через боль, боль, боль...

ЛЮБОВЬ И НАДЕЖДА.

– это две ипостаси, на которых извечно зиждется спасение человеческое.

И разве могла она, Любовь, миновать такого, как Володя? Не могла, конечно. Пришла к нему однажды в образе подружки его сестры – хрупкой несмелой Наташи.

– Я раньше знала, что у моей подруги есть брат, но не видела его, – вспоминает Наташа. – Он в армии служил, потом работал, потом в больнице долго лежал. А однажды мы встретились у них дома. Не знаю, бывает ли такое, но я почему-то сразу подумала, что он будет моим мужем... Я не видела его увечья, ничего не знала о его болячках, да и не хотела знать. Просто взяла и влюбилась! Он такой... такой... Даже не знаю, как это выразить словами. Короче, мой родной и близкий.

Сначала Володя боялся поверить в это: уж слишком хорошо все складывалось. И тревога за душу брала, и неуверенность в себе. Имеет ли он право быть мужем здоровой симпатичной девушки? Не превратит ли ее жизнь в бесконечный уход за ним, больным? Что, если ее любовь – это просто нормальная женская жалость?

Этого он не хотел. И не мог дать права на эту естественную жалость ни себе, ни ей, потому что был убежден, что хорошую семью на одной только жалости не построишь.

Но – молодость. Но – любовь и надежда. От этого никуда не деться, как ни прячься и как ни убеждай себя правильными доводами. И еще – горячее желание жить полноценной жизнью настолько, насколько это возможно...

“ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ...” –

эти слова первой произнесла Наташа, поборов свою несмелость.

Она уже знала о терзаниях и сомнениях Володи. Но знала также и то, что они нужны друг другу.

А потом было счастье. И вновь заплывали слезами глаза Володиной мамы, но впервые за долгие годы это были счастливые слезы. И родители Наташи тоже были довольны, пусть даже некоторые скептики не поверят в это. И была свадьба. Настоящая, как у всех других молодых людей.

А когда на свет Божий появилась дочка Маринка, Володя понял, что живет он так, как когда-то мечталось, но казалось невозможным. Полноценной человеческой жизнью. Как мужчина, как муж и отец.

БУДНИ

не смогли развенчать эти счастливые мысли. Хотя и досаждали немало.

Особенно тяжело приходилось Наташе. Живя в общежитии с общей кухней, общим туалетом и без горячей воды, трудно скрыть все особенности Володиного травмирования. За ним требовался особый уход, а условий для этого не было никаких.

Но Наташа не роптала, не жаловалась, даже с маленькой Маринкой на руках все успевала делать по дому. Да и Володя во всем посильно помогал. Она мечтала только об одном: им бы квартиру отдельную. Только квартиру, где Володе было бы хорошо и спокойно. Ванную бы, где стирай и купайся вволю. И все. И больше для полного счастья ничего им не нужно.

И для Володи это стало самым важным. Наташку жалко: совсем извелась, хотя виду не подает. Да и дочь подрастает – все труднее становится переносить необходимые процедуры ухода в ее присутствии...

Он делает все возможное для того, чтобы его семья как можно скорее получила благоустроенное жилье, которое давно уже положено ему по закону. И вот забрезжила на горизонте надежда: городская администрация совместно с предприятием, где Володя получил травму, обещает положительно решить вопрос о выделении ему двухкомнатной квартиры. Правда, это длится вот уже восемь лет...

Но это были не зря прожитые годы. Они дали Володе и Наташе лучше узнать и поверить друг в друга. Они помогли убедиться в том, что человек может все, если в душе его живут Вера и Надежда. Если у него есть мужество и жизненная цель.

И если все это венчает Ее Величество Любовь. Не царственная коронованная особа, а вот такая: неприметная, простая, но истинная, не проходящая и стойкая. Как полноводная река, неспешная и вечная.

“ЛЮБОВЬ С ХОРОШЕЙ ПЕСНЕЙ СХОЖА...” сказал однажды известный поэт. И добавил: “А песню нелегко сложить...”

Володя и Наташа знают это не понаслышке. Нелегко, да еще как! Но они – вместе, они – рядом, они – друг для друга.

– Вы знаете, мы ведь почти не ссоримся, – улыбается Наташа, – ни из-за домашних дел, ни из-за жилищных условий, ни из-за частой нехватки денег...

Но справедливости ради припомнила:

– Разве что иногда из-за Маринки. Володя считает, что я ее балую, а я так не думаю. Вот и спорим, бывает...

...Сижу напротив них, таких молодых, красивых, душевно сильных, и ловлю себя на мысли: Господи, вот бы такую любовь – всем! Такую веру и надежду – всем! Силу такую – всем!

И рождается новая мысль: да ведь все это – и вера, и надежда, и любовь – дано каждому из нас. Изначально дано. Просто мы забываем об этом и просим: у Бога, у властей, у судьбы: “Дайте! Дайте нам это!” Но заглянуть внутрь себя, разбудить спящее, оживить “мертвое” – все невдомек, все недосуг. Оттого и страдают, немощные и слабые перед бедами.

А спасение то – в нас самих...

“КРАСИВЫЙ БОР” ХОЧЕТ ЖИТЬ!

Многие коми деревни, которые принято называть “малыми”, оказались сегодня на грани вымирания. Кончилась лафа, когда можно было жить и работать спустя рукава, довольствоваться собственной и государственной нищетой и потихоньку отвыкать заботиться о будущем. А оно, будущее, вот оно – суровое, безжалостное, нелицемерное...

ИЗ ПРОШЛОГО.

“Гажа-Яг!”... (“Красивый бор!”) – наверное, именно так воскликнули первые мужики-переселенцы из Вычегды, почти двести лет назад впервые ступившие на берег живописной поймы реки Ижмы.

Как донесла до нас история, это были Мишарин и Габов – основатели деревни Гажа-Яг. В поисках новых охотничьих угодий и места для жизни они долго блуждали по обширному северному краю, пока не остановились здесь, видимо, пораженные богатством, красотой и тишиной этого первозданного глухого места, куда еще не ступала нога человека.

И вскоре застучали на диком берегу топоры, завизжали пилы – и выросли первые дома. Зазвенели первые девичьи коми песни, потянуло из труб теплым дымком, зажужжали в руках женщин веретена и самодельные ткацкие станки, загомонили детские голоса – и началась жизнь человеческая в самом сердце тайги...

Почти двести лет прошумело с тех пор. И чего только не происходило в мире за эти годы! Сменялись столетия и цари, рождались и умирали люди, идеи, цели, мировоззрения, планы и программы...

А деревня Гажа-Яг все жила, красуясь и взрослея, все радовала и кормила народ, рождая и возвращая все новых и новых детей своих.

СЕГОДНЯ,

она, еще полная сил и жизни, но обеспокоенная и печальная, смотрит на людей тревожно и горько, будто спрашивая: “Что же это происходит, люди? Не наступает ли конец света? Не пришла ли пора помирать всем нам?”

О том и старики думают, глядя из своих окон на пустеющий мир вокруг. А молодые, торопливо покидав в чемоданы барахлишки, давно разъехались из этого тоскливого места, от этих усталых и безрадостных глаз стариков и старух – туда, в такую манящую, кипучую жизнь больших городов.

Сколько их, таких умирающих и уже умерших деревень по нашему коми краю! Лач, Оездзин, Переволок. Теперь вот Гажа-Яг, Лайково, Извайля, Кедва, Поромес, Месью...

Казалось, еще недавно в Гажа-Яге кипела жизнь. Откармливалось племенное стадо телят холмогорской породы, урчали на полях трактора, выращивались картошка и капуста, и всей деревней выходили на шумные и жаркие сенокосы. После многолетнего “застоя” и неостребованности на деревню обратили внимание начальники из Ухтинской “Печорнипинефти”. Видно, усмотрели они в ней какую-то перспективу, если вложили немало средств в строительство нового ангара-фермы,

овощехранилища, газопровода. Даже несколько прекрасных кирпичных домов-коттеджей для людей-специалистов отгрохали: ожидался приезд таковых, которые должны были приехать “поднимать деревню”. Наладили и новенькую звероферму для выращивания лис и песцов.

И деревенские тоже воспрянули духом: наконец-то о них вспомнили! Поверили, что и они стали кому-то нужны, втянулись в полузабытый труд. Многие стали отстраиваться, завели домашнюю животину. Даже некоторые из молодых, покинувших однажды бедную и скучную, но родную деревню, вернулись обратно, в отчие места. Поверили, что появился шанс возродить ее.

Но где-то там, в верхах, что-то, видать, не сработало, что-то изменилось. Да и хороший человек, толковый начальник из “Печорнипинефти” Филиппов, который с таким энтузиазмом взялся за деревню, уехал вскоре в Москву на повышение.

И деревня вновь понуро опустила голову. И последним, добивающим ее ударом, явилось решение АО “Коминнефть”, до сих пор являвшееся ее отцом-кормильцем, отказаться от содержания своих детей-пасынков: Гажа-Яга, Лайково, Извайля, Кедвы, Поромеса. И вновь впали деревни в спячку...

А КОГДА ОНИ ПРОСНУЛИСЬ,

то увидели, какое страшное запустение царит вокруг.

Но не было уже ни сил, ни желания, ни умения встряхнуть эту сонную, одуряющую, непонятную жизнь.

...Об этом и многом другом думала я, трясаясь в разбитом грузовике по кошмарным проселочным дорогам. Об этом и многом другом расспрашивала я деревенских жителей: мужиков и подростков, продавцов и бригадиров, косарей и скотников, женщин и девочек, пенсионеров и безработных.

Что же со всеми вами происходит, люди земли?

“А то и происходит, – будто все еще слышу я голос бывшей сельской учительницы Уляшовой Валентины Васильевны, у которой я остановилась на ночь, – что за многие десятилетия из людей начисто вытравлено желание и умение работать на земле, хозяйствовать, думать. Они привыкли жить “по указке”, по разрядке, когда можно было получать скудные гроши, но ничего толком не делать, кое-как ковыряться в земле, а потом наливаться вином до беспамятства. А теперь, когда неоткуда ждать и этих скудных копеек, когда надо самим зарабатывать на хлеб, люди и растерялись...”

Растерялись, верно. Уже довольно много воды утекло с тех пор, как они истово верили, что вот-вот “приедет барин, который все рассудит”. Теперь пришла пора учиться рассуждать самим.

“А С ЧЕМ ИХ ЕДЯТ, ЭТИ ВЫБОРЫ?...” –

недоумевают сегодня деревенские жители.

Действительно, по времени, как на грех, все эти жизненно важные для них проблемы совпали с периодом подготовки городов и весей к выборам в

местное самоуправление и Главы республики. Законопослушное начальство, само еще мало что понимающее в смысле словосочетания “местное самоуправление”, все же собрало деревенские сходы – и пошли речи.

“Вы должны определиться, – важно говорило начальство, – вы должны стать муниципальным образованием!”

“Ладно, – покладисто отвечал сход, мучительно подыскивая в своем словарном запасе эквивалент этой мудреной фразы, которая вкупе с термином “местное самоуправление” составила и вовсе темный лес. – Ладно, мы станем... этим самым”.

“Вы должны организовать сельскохозяйственные производственные кооперативы вместо прежних совхозных объединений, – начальство строго и внушительно поднимало вверх палец. – Хватит жить на всем готовеньком! Пора работать самостоятельно!”

“Ладно, – подавленно опустил голову деревенский сход, – мы организуем... это самое”.

...Я перебираю в памяти все свои многочисленные встречи за эти дни поездок по коми деревням и смогла найти только два человека из них, которые все эти годы не пребывали в состоянии сонной одури, а жили, пытаюсь что-то понять, осознать, изменить. Это – Петр Жуковский, глава Извайльского сельсовета, хорошо знакомый всем жителям деревень как беспокойный, отзывчивый человек, душой болеющий за все, что происходит вокруг. И Татьяна Голубева, бывший бригадир Гажа-Ягского отделения совхоза “Извайльский”, а ныне – председатель новоиспеченного кооператива.

“Я ВЕРЮ, ЧТО МЫ СПРАВИМСЯ!” –

сказала мне, светловолосая, белолица, голубоглазая женщина, по своему внешнему виду более уместная где-нибудь в солидном офисе за компьютером или в депутатском кресле роскошного конференц-зала.

А Татьяна в сапогах и куртке, сутками мотается по лугам и покосам, по фермам и пастбищам, неся на своих плечах такие нагрузки, которые не всякому мужику под силу. Это она подняла сход на создание сельскохозяйственного кооператива, уговорив вступить в него чуть ли не всю свою трудоспособную родню. Это она, имея четверых детей, мужа, больную свекровь на руках и большой дом, заполненный хозяйством, трудится от зари до зари. Теперь вот ко всему этому добавился и кооператив, руководство которым она приняла на себя. А вместе с ним и все проблемы гибнущей деревни – с ее не проходящей нищетой, неприятной старостью, разрушенным

хозяйством и... неистребимой красотой природы, душевным деревенским теплом и добротой.

– Наверное, я не смогла бы взвалить на себя такую ношу и ответственность, – устало улыбается Татьяна, – если бы не эти люди, наши, деревенские. Жила среди них, росла, училась, работала. Знаю всех до единого, и не только знаю, но и люблю, и жалею, как своих родных. Вы просто не представляете, какие это чудесные, душевные, отзывчивые люди! Сейчас они все, как малые дети, оставшиеся без родителей: напуганы, растеряны, обеспокоены. Но – готовы встать и пойти, и работать до седьмого пота, лишь бы поверить в просвет, в то, что жизнь наладится, что деревня не умрет, пока они живы. Я верю, что мы справимся, хотя розовых иллюзий не питаю. Столько трудностей! Сельхозтехники мало, а та, что нам передана, давно устарела. А без техники, знаете, ни одно хозяйство не выживет. Сейчас мы ударно, всей деревней, на сенокос навалились, заготовили уже двести тонн сена. Теперь его хватит, чтобы и стадо зимой прокормить, и часть продать, обменять на другие нужды. Вот телочек наших вырастим, сдадим – еще что-то заработаем. Есть у нас и семнадцать лошадей – тоже надежда. Словом, надежд и планов нам хватает, но нужд больше. Но настроены мы серьезно – самим выжить и деревню нашу спасти. Все, что в наших силах – сделаем, а дальше – только время покажет...”

“КОМУ-ТО ВЕДЬ НУЖНЫ ЭТИ ВЫБОРЫ “НОВОЙ ЖИЗНИ”...”

– рассуждают сейчас крестьяне.

И невдомек бедному люду, что нужны они в первую очередь именно ему. Государство уже давно и достаточно убедительно продемонстрировало своему народу как “мудро и четко” оно им управляет. Время подвело всех к пониманию того, что сегодня необходимо самоуправление на местах. Чтобы жизнью города, села или деревни управлял не “чужой дядя” из далекого кресла, весьма удобный для кого-то из верхних властей, – а “свой”, для которого нужды и чаяния людские близки и понятны. Но и рычаги управления должны быть, это само собой, иначе все очередной говорильней обернется. Мы все знаем немало примеров, когда даже самое умное, нужное и праведное дело бывало загублено на корню.

...Все это еще предстоит понять, осмыслить и нам, горожанам, и жителям деревень, которым сегодня и без того приходится думать непривычно много. Ведь вопрос о том, как им выживать, все еще остается открытым. И лишь время покажет, чем обернутся сегодняшние их планы и надежды.

Но как бы там ни было, а Гажа-Яг хочет жить!..

“БОЛЬШУХА” – АГАФЬЯ.

Больше полувека живет Агафья Мишарина в деревне Гажа-Яг. Ее знает и стар и млад. День-деньской топчется она по своей чистенькой уютной избе, по аккуратному ухоженному подворью. Спать ложится рано, сразу после захода солнца. Встает еще до “петухов”. Уснуť долго не может: только закроет глаза, и приходят они – воспоминания. Обступают ее смутные

тени, образы милых, дорогих людей, которых уже давным-давно нет среди живых: тяти с маманей, дедов и бабок, мужа своего, деток малых...

Восемьдесят пять лет прожила Агафья на белом свете. Столько всего пройдено, испытано, перенесено, что ни каким аршином не измерить. А интересно все ж таки: для чего дадена человеку жизнь? Да еще такая

большая, как у нее, Агафьи? Да еще трудная такая, неласковая, одинокая? Ведь только и было в ней, что работа, работа, работа...

ОТ ЗАРИ ДО ЗАРИ...

Ох, и натерпелась Агафья от детворы за свой рост! И “дылдой” дразнили, и “верстой”, и “каланчой”. Лишь тятя, царствие ему небесное, ласково звал ее “большухой”. Действительно, награбил ее Господь ростом да силой недюжинной, словно знал, что все это ой как понадобится ей, чтобы выстоять, чтобы выжить.

С малолетства впряглась Агафья в нескончаемую работу, как тягловая лошадь. Большой был у них дом в Изваиле, и хозяйство не меньше. Да и семья, слава Богу, не маленькая: дед с бабкой, тятя с мамой, Агафья да четверо братьев. И все с зари до зари за работой.

Не было в их роду лодырей и пустозвонов. Мужики – те все в поле да в тайге: пахали, сеяли, боронили, молотили, косили, возили, охотились, рыбачили. А бабы – по дому, по двору, огородам. И “большуха” с ними, чуть свет – уже подолом сарафана двор метет, скотину кормит, завтрак с маманейстряпает, огороды пропалывает, братьям в поле обеды разносит.

А там и Советская власть в деревню явилась. Пошли по избам строгие учетчики да переписцы. И стали всех деревенских в колхозы сгонять. Поплыл над Изваилем стон да плач...

“ПОШТО, ГОСПОДИ, ПОШТО ЭТАКОЕ?!”

В шестнадцать лет отдал тятя Агафью замуж за тихого парня из соседней деревни. Прослышал родитель, что записали их семью в “кулаки” и собираются “раскулачивать”, крепко задумался о том, как сохранить свое добро, многотрудным потом нажитое. Смекнул, что, отдав “большуху” замуж, можно выделить ей часть скотины, утвари домашней, того да сего – все не пропадет. Остальное – между сынами разделить. Для кого же добро наживалось – или не для детей?

Отпелась-отплакались на невеселой той свадьбе, и укатила “большуха” в новую семью, в самостоятельную жизнь, где быть ей молодой женой-хозяйкой, хотя всего-то и стукнуло молодке шестнадцать годков. Но – крепкая, рослая, сильная – ворочала она высоченные стога сена, дрова колола, как спички ломала. Не могла на нее нарадоваться свекровушка.

...Ворочается Агафья в постели, укрывается с головой в одеяло, будто хочет уйти, спрятаться от истошных воплей маменьки, зазвучавших сейчас в ночной тиши. Агафья жила уже самостоятельно, когда дошла до нее весть о “раскулачивании” родителей. Примчалась в свою деревню, а там – крики и плач. Тятенька, белый как мел, трясущимися руками обнимал маманю, сынов своих, деда с бабкой – прощался. Закаменели рядом четверо его сыновей, играя желваками на заросших щеках. Обморочно всхлипывала мать. Тряслась дремучая борода деда, уткнувшись в его плечо, бессильно плакала маленькая тихая бабушка.

“За что тебя, тятя?!” – бросилась Агафья к отцу.

” Не ведаю, дочка, – горько отозвался тятя, проводя по лицу своей “большухи” заскорузлой, в не проходящих мозолях ладонью, – “Кулак” я, говорят. Высылают вот. Живите, детки. Мать берегите, деда с бабкой не оставляйте, друг дружки держитесь. Господь да хранит вас...”

С тех самых пор не видали его больше родные, и ни единой весточки от него не имели. Сгинул где-то тятенька навечно.

И маманю не смогли уберечь. Через несколько дней погнали старушку из деревни куда-то под конвоем, пешком. У той уже и слез больше не было, шла “кулачка”, спотыкаясь и покачиваясь, куда вели...

Дом у них был большой, просторный, теплый. Отобрали и дом, под школу отдали. А деда с бабкой – в баню, там определили им место доживать и помирать. Прощаясь с Агафьей, простонала бабушка: “Порушили, Агафьюшка, гнездо наше, порушили... Теперь скорее бы за нами смерть пришла. Пошто, Господи, пошто этакое?!”

А братья – за топоры и в лес ушли. Не вытерпели их сердца такого надругательства, закипела в них смертная лютая обида – пошли мстить... А кому мстить-то? Советской власти, что ли? Так и братья сгинули.

МАТЕРИНСКОЕ СИРОТСТВО.

С тех пор много ветров прошумело над Агафьей. Уж исхлестали они ее, изрезали – как жива осталась? Умер муж от грудной болезни. От одиночества спасала лишь работа беспросветная. Через сколько-то лет вошел в ее жизнь и друг сердешный Константин. Поженились. Тихо и несмело пришло, наконец, семейное счастье: детками ненаглядными, чьи голосишки зазвенели в стенах дома. Четверых детей дал Бог Агафье... И отобрал у нее он же. Один за одним помирали они в младенчестве. Не было в деревне в ту пору медиков, бабы лечили своих захворавших детей, как могли и разумели. А что умела она, Агафья? Кричит дитя на руках, надрывается, а что с ним, где болит? – никто не знает. Молодая мать с утра до ночи в колхозе, на поле да на ферме. Муж тоже. Бабка-соседка за дитем присматривает. Молока нет. Нажует хлеба, обернет в тряпочку и сунет ее в рот младенцу. Охо-хо...горе ты наше тяжкое!

Четверых малюток схоронили Агафья с мужем. Изошла душа материнская слезами. А тут и новое горе обрушилось.

ОХ, ВОЙНА, ВОЙНА...

На всю жизнь запомнились Агафье годы военного лихолетья. Опустела деревня без мужиков, остались одни бабы, старики да дети. Отревела Агафья на проводах мужа – и стала жить дальше. И, видно, из-за могучей своей силы да роста своего завидного назначили ее бригадиром всей деревни.

– Куда мне? – отнекивалась она поначалу. – Я баба неграмотная, чего я умею?

Но пришлось ей взяться – некому более. И впряглась

Агафья в тяжелую работу, только жилы затрещали. Дом пустой стоял, деток в нем не было больше, муж на фронте бился – ничего ее не держало в домашнем хозяйстве. Вот и отдавала она всю себя без остаточка колхозу. И пахала, и лес рубила, и сено косила, и на поле спину гнула. Домой полночь ноги доволакивала и падала в холодную постель, как мертвая.

А потом был лесоповал – вот уж где пришлось намаяться! Валила вековые деревья, как заправский мужик. Слабые бабенки рядом замертво падали, уморившись, а она, Агафья, все шла и шла через тайгу...

...Встанет Агафья в пять часов утра, так и не сумев сомкнуть глаз. Затопит в избе печь, подойдет к фотографии своего Кости, что висит в стекле на беленой

стене, всмотрится в молодое лицо, привычно подумает, что по годам он ей теперь вроде сына...

Вернул ведь Господь мужа с кровавой той войны. Израненного, но живого. Пришел он домой, оглядел высоченную свою “большуху” – жилистую, худущую, с запавшими глазами – и заплакал...

УЕХАЛИ ОНИ В ГАЖА-ЯГ,

где задумал Константин избу построить.

– Может, немного мне пожить осталось, – сказал он, – так хоть в теплом доме тебя оставлю.

И срубил-таки небольшой, но крепкий домик.

”...Экие мужики были в ту пору, – думает Агафья, вглядываясь в дорогое лицо под стеклом, – есть ли теперь такие?

А вскоре прибрал Бог и мужа. И осталась она одна-одинешенька в теплом своем доме. И снова – только работа.

...Если спросить Агафью, что такое была ее жизнь, она ответит просто:

– Работа...

Сейчас ей восемьдесят пять лет. Годы беспросветного тяжелого труда, как ни странно, не согнули ее спину, не уменьшили завидного роста: такая же высокая, прямая, двигающаяся неспешно – плавно, но с какой-то скрытой внутренней силой. Откуда это в ней?

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ БЫЛА ЕЕ ЖИЗНЬ?

Достанет Агафья заветную коробочку, откроет – а там ордена и медали тяжелой кучкой. Вот мужнины фронтовые, много их, есть и ценные. А это вот – ее, Агафьины, их еще больше, среди которых даже орден Трудового Красного Знамени есть. Хорошо награждали ее всю жизнь, грех жаловаться. По труду и почет.

Так-то оно так. Но вот жизнь почти прожита. Уйдя на пенсию, уже почти двадцать пять лет живет Агафья одна в своей избе. Пенсия совсем скудная, но на хлеб хватает. Огород с картошкой держит еще бабка Агафья, перебивается, одним словом, да и много ли старухе надо? И к одиночеству своему она уже давно привыкла, к тому же до последнего на людях была. Как летняя страда, так она вместе с другими бабами на помощь совхозу выходила.

...Но встанет иной раз Агафья еще до восхода солнца, выйдет к калитке и стоит долго-долго, вглядываясь в далекую пойму реки Ижмы, подернутую утренним туманом. И спрашивает себя: а что же такое была ее большая жизнь? И сама же себе отвечает со вздохом: “Работа...”

А были ли радости в этой жизни? Наверное, были какие-то. Когда-то. Только забылись они. Осталась одна память – работа, работа, работа...

Если спросить теперь Агафью, что ждет ее впереди, она ответит так же просто: “Встреча с Богом”. Не смерть, нет, а вот так – встреча с Богом.

Что ж, в том тоже есть своя житейская мудрость...

ТРИ ВОЗРАСТА АЛЕКСАНДРЫ

...Каменный особняк, возведенный еще в дореволюционные времена, теперь это – детский дом. Седой мороз сковал ледяным панцирем все живое вокруг.

А за окном, дрыгая голыми ногами, висит двенадцатилетняя девчонка. Пытаясь сморгнуть слезы, быстро замерзающие от стужи, она зло и ожесточенно бормочет: “Ну и пусть. Все равно не запрошусь обратно... Не дождетесь...”

Это Саша, Александра.

1971 год

В детдом она попала после смерти мамы (отец умер еще раньше). Их осталось девять – братьев и сестер. Девятилетняя Саша взвалила на себя все заботы по дому. На ее руках были остальные дети и слепая бабушка.

Взрослые дяди и тети из сельсовета, конечно, не могли не среагировать на беду большой, осиротевшей семьи и всю детвору определили в детские дома. Кого куда.

Когда их пришли забирать, дети еще не знали, чем им это грозит. Но бабушка, плача слепыми глазами, стучала клюкой о пол и требовала не разлучать детей, оставить их на ее попечение.

– Какое уж тут попечение... – вздыхал уполномоченный дядька, с брезгливой жалостью поглядывая на слепую бабку, – еще и тебя, бабуля, куда-то определять надо...

Смекнув в чем дело, ребятня подняла рев.

КАК ЗАКАЛЯЕТ ЖИЗНЬ...

Годы, проведенные Сашей в детском доме, многому ее научили, на многое открыли глаза.

Постоянная борьба с детской “дедовщиной”, царившая там, сделала ее сильной, драчливой и независимой. Не раз и не два приходилось ей висеть связанной за окном в мороз и дождь – такое наказание полагалось для строптивых и несговорчивых по неписаному закону старших детдомовцев.

Она была молчуньей. Молчала, когда ее били. Молчала, когда однажды шефы подарили детям меховые шубки, а воспитатели выдали им взамен старые тощие пальтишки. Но тот изумительный восторг, который она и другие девочки испытали при примерке этих шуб, когда их фотографировали для газеты, запомнила на всю жизнь. И долгие годы потом, натягивая на себя старое потрепанное пальто, Саша все еще вспоминала нежный мех шубы и чудный ее запах...

Промолчала Саша и тогда, когда ее жестоко обманула директриса детдома – Мария Сергеевна. Каждое лето пацаны и девчонки работали на ее огромных огородах за обещанные копейки, которых они потом не видели и в глаза. Подрастая, они уже дерзко отказывались “пахать” бесплатно, ведь каждый из них ходил в несусветных обносках и мечтал приобрести то брюки и рубашку, то туфельки и юбку. Но их всегда обманывали, и они разучились верить.

А Саша верила. Перед самым выпуском из детского дома она практически одна целое лето “корячилась” на гектарах директрисы, клятвенно пообещавшей ей хорошо заплатить.

“Ты вступаешь в самостоятельную жизнь, – проникновенно говорила Мария Сергеевна семнадцатилетней Саше. – Конечно, тебе хочется попривличнее одеться, но для этого нужно поработать, ведь правда? Деньги я дам тебе перед отъездом, чтобы их не украли”.

Другие дети смеялись над Сашиной наивностью, но она молчала. И работала, как лошадь. Верила до последнего. Когда Саша, попрощавшись с детдомом, уезжала учиться в техникум, Мария Сергеевна сказала, что придет проводить ее на вокзал и принесет заработанные деньги.

Саша до последней минуты все выискивала глазами в толпе свою наставницу. А потом, уткнувшись лбом в грязное вагонное окно, глотала подступающие слезы и твердила под стук колес: “Ну и пусть... Ну и пусть...”

ОБРЕТЕНИЕ СЕМЬИ 1982 год

А потом пришло первое в жизни счастье. Неисповедимыми путями Александру разыскал старший брат Митя. Когда их распределяли по детским домам, ему удалось сбежать из своего, целое лето он прятался в соседней деревне, где его потом и пристроили добрые сельчане работать водовозчиком. Так тринадцатилетний Митя начал самостоятельную жизнь.

Отыскав Александру в техникуме, куда она только поступила учиться, Митя забрал ее к себе. К тому времени он уже имел семью – жену и двоих сыновей. Митина жена была не в восторге от новоявленной родственницы, что и демонстрировала той всеми доступными ей средствами. Но Александра, привыкшая к этому с самого детства, не особенно страдала от прохладного отношения к ней невестки. Главное, теперь у нее был родной брат и двое племянников, в которых она сразу влюбилась всей своей одинокой душой...

На этом коротенькое счастье Александры закончилось. Тем же летом брат Митя погиб в автомобильной катастрофе. Саша узнала об этом, вернувшись из техникума, куда ездила получать первую свою и последнюю стипендию. Помертвев от горя, она кинулась к невестке. И вконец растерялась при известии, что та уже бросила своих детей на деда с бабкой и уехала с каким-то “хахалем” в неизвестном направлении.

Александра разыскала родителей невестки и увидела наконец своих племянников живыми и здоровыми. Но тут новое потрясение совсем подкосило ее: расстроенные поступком родной дочери, старики уже начали хлопотать о помещении в детский дом своих внуков. “Мы оба старые, больные, нам не поднять таких мальцов...”

ДОРОГА В НИКУДА

Будто в один миг вся ее небольшая жизнь промелькнула перед глазами Александры. Детский дом. Унижения, издевательства, голод, обман... Все это теперь ждет митиных детей, который сам в полной мере испытал свое сиротство. Как Александра. Как все их братья и сестры, раскиданные теперь где-то по земле...

И пришло одно-единственное решение: не бывать этому!

Александра взяла девятимесячного Юрку на руки, крепко обхватила ладошку двухлетнего Андрейки и отправилась с ними “погулять” – так она объяснила старикам.

В такой вот полнейшей внутренней панике она пошла на вокзал, купила билет на ближайший поезд и поехала с детьми в никуда...

И только там, в вагоне, Александра ужаснулась тому, что сделала. Все ее “имущество” было на ней: старенькая юбочка, кофточка, куцый плащик. В кармане – стипендия в семьдесят рублей, первые неслыханные деньги, казавшиеся ей целым состоянием. И двое малышей при ней. И было ей тогда всего восемнадцать лет...

Вскоре Александра ревела в три ручья вместе с племянниками. Заходился в крике голодный младенец Юрка. Хныкал Андрейка, требуя поесть. А у нее ничего не было, даже еды не сообразила взять с собой в дорогу.

Помогли сердобольные соседки по вагону. Накормили пацанов, успокоили девчонку, поохали-поохали над их историей. И посоветовали ехать до города Ухты. Богатый, сказали, город, и люди там хорошие

“НАЧНИ СНАЧАЛА, ВСЕ НАЧНИ С НУЛЯ...”

1990 год

...Невидящими глазами, окаменев от страха, смотрела Александра в лицо своей невестки.

...И нечего тут! Ишь, праведница какая! Я – мать, и я не желаю, чтобы мои дети оставались с тобой! Я сама, лично определяю их в детский дом, имею на это право! Что ты можешь им дать, ну что?!

“Все! – рождался внутри Александры ответ. – Все, что могу, все, что имею...”

Но она молчала.

...Почти десять лет прошло с тех пор, как они с детьми впервые ступили на ухтинскую землю. Александра устроилась дворником, получила служебную квартиру, восстановила документы. В детский сад дети не ходили: на них-то документов у нее не было. Но перед поступлением Андрейки в школу работники городской социальной службы помогли ей приобрести их. Теперь оба мальчика учились: Юра – в первом классе, Андрей – в третьем.

...Кому она расскажет, как поднимала их все эти годы, как долго жили они в пустой квартире, спали на газетах, ели один хлеб? Как надрывалась она на трех работах, понятия не имея ни о каких танцах, киношках, друзьях-подружках. Как постепенно в доме появлялись мебель, одежда, постельное белье. Как учила она своих мальчишек читать, писать, рисовать, бегать и прыгать, гонять в футбол. Как весело и славно им было вместе. И как сразу и навсегда они стали звать ее мамой...

...Мало тебе было двоих, ты еще и третьего нагуляла! – бил в уши пронзительно визгливый голос.

“Я ДУМАЛА, ЧТО ЭТО ЛЮБОВЬ...”

Не нагуляла, нет. Третий сын, Антошка, родился в законном браке. Появился в жизни двадцатилетней Александры парень, вроде добрый, заботливый. Не знала она до него, что есть на свете такая штука – любовь. Читала, правда, про нее в отрочестве, ну в кино видела, а чтоб самой испытать – не было такого. Вот и потянулась к тому парню душой, когда он стал за ней “ходить”. Гуляла с ним иногда, но к себе не подпускала, потому что была убеждена: “такое” возможно только после свадьбы.

Родители парня были против его женитьбы “на двоих детях”, но он, распалившись, все-таки расписался с Александрой. А дальше все было банально и страшно: стал пить, буяннить, упрекать.

“Я думал, что это твои дети, а это племяши, оказывается. А я-то, дурак, гадал, чего это ты из себя недотрогу все корчишь, при двоих-то детях? А выходит, обманула ты меня. На фиг мне твои племяши? Мне свой дитенок нужен!”

И дитенок появился. Страшно было рожать его, третьего-то, но ведь семья все-таки, и, действительно, мужу своего хочется, хотя Александра понять не могла: разве могут дети быть своими или чужими?

Вскоре Александра получила вместо служебной собственную квартиру. Двухкомнатную. Но на том ее радость и кончилась. Однажды, совсем одурев, муж привел в дом какую-то обрюзгшую женщину и заявил, что это его новая “супруга” и она будет жить с ним здесь, потому как он тут прописан и право имеет.

Другая бы закатила истерику, вышвырнула эту “сладкую парочку” из дома и побежала бы по судам. Но Александра ничему этому так и не научилась.

Намертво закаменев, она собрала детей в охапку и уехала. Домой – в село. И снова упрямо твердила под стук колес: “Ну и пусть... Ну и пусть...”

Позже она будет клясть себя за свой безрассудный “детдомовский” характер: не плакать, не ныть, не жаловаться, а сразу сжигать за собой все мосты. Потому что отцовский дом, в котором она намеревалась жить с детьми, за эти годы совсем одряхлел, а в селе не было работы.

И Александра вернулась в Ухту, где все пришлось начинать с нуля: устроилась на работу, получила общежитие – тогда с этим было просто. А вышло, что в горячности лишила она своих детей квартиры...

“Но жизнь пошла-покатила вперед. Как и прежде: только работа и дети, которых теперь было уже трое.

НОВАЯ БЕДА

обрушилась на Александру с приездом матери Юрки и Андрея. Разыскала их мамаша, когда ей срочно понадобились... ваучеры. Так и заявила оторопевшей Александре: “Ишь какая! Пользуешься чужими ваучерами. Нет, голубушка, ничего у тебя не выйдет. Отдашь мне по закону, как миленькая”.

Александра отдала ей ваучеры сразу, без слов: только бы не забрала мальчишек. Но родная матушка, распаленная, видно, нечистой своей совестью, решила сдать детей в детдом.

...Это были самые черные дни в жизни Александры. Оглошшая и ослепшая от горя, она подчинилась уговорам сотрудников городской социальной службы, и Юрка с Андреем были отправлены... в тот же самый детский дом, в котором выросла и она сама. Вот уж где ирония судьбы! Но ей сказали: “Ты успокойся. Пусть дети пока побудут там. Ничего не поделаешь, закон есть закон. Но мы поможем вернуть их тебе”.

Это было единственное, что давало ей силы жить последующие полгода. Никогда, даже в самые тяжкие

минуты, Александра не позволяла себе плакать, а теперь ее глаза все время были “на мокром месте”. Ночами ей чудилось, что детям плохо, что они, такие маленькие, страдают, висят за окном, зовут ее...

Наконец все уладилось. Спустя полгода, Александра, раздобыв денег на дорогу, поехала за детьми. И вернулась домой уже с ними, оформив все необходимые документы. Теперь вся семья была в сборе. Это и было самым большим счастьем для Александры. Хотя в детских душах мальчишек надолго остался страшный след пребывания в детском доме даже за эти шесть месяцев.

ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ

Сейчас старшие мальчишки выросли. Александра надеется, что сумела воспитать из них настоящих мужчин: у них золотые руки, они все умеют делать. Шестнадцатилетний Андрей и четырнадцатилетний Юра – главные кормильцы всей семьи, потому что мама, работая на двух работах, практически не получает зарплаты. Молодая женщина с “детдомовской закваской” так и не научилась обивать пороги учреждений и просить о помощи. Зато сама первая спешит на подмогу любому, кто в этом нуждается.

Пришла к Александре и первая в ее жизни, настоящая любовь. Теперь она знает, что это за “штука” такая – когда в душе светло и радостно и когда жизнь, несмотря на все тяготы, становится простой, ясной и необходимой. Мальчишки обрели наконец старшего друга, мать – любовь и поддержку. И в дом пришло новое счастье в виде крохотной девчушки – дочери и сестренки – радости и отрады для всей семьи. И неожиданная эта кроха самым удивительным образом светло и нежно окрасила по-спартански строгую семью, которая в ней просто души не чаает...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Три возраста Александры. Детство ее прошло в голоде, унижениях и обмане. Юность – в бесконечной работе и воспитании детей. Молодость – в ежечасных поисках хлеба насущного и в тревогах о будущем своих сыновей.

Теперь у нее четверо детей и заботы, умноженные в четыре раза.

Но я давно уже не встречала столь светлого и цельного характера, столь открытой и доброй души, такой готовности отдать всю себя тем, кто в ней нуждается. Поразительно: в ней нет ни ожесточенности, ни озлобленности, ни подавленности, которые так свойственны людям сегодня. Но есть прямота натуры и полное неприятие несправедливости – старая детдомовская закваска все еще действует. И, наверное, помогает Александре выжить даже тогда, когда это невыносимо.

Да хранит Бог таких людей, как она.

ГЛУБИНКА

Постарайся выстоять, Боровой!..

Еще недавно Боровской леспромхоз был одним из лучших хозяйств в республике. Но всеобщий упадок не пощадил и его...

Поселок Боровой притаился под сенью леса, полыхающего осенним разноцветьем. Красивейшие места! Чистый воздух будто звенит на хрустальной

ноте. Уютно дымят трубы частных домиков. Галдят ребяташки. Где-то визжит пила “Дружба”. Живет поселок своей тихой несуетной жизнью...

САМЫЙ ВКУСНЫЙ ХЛЕБ

Кто бы не побывал в поселке Боровом, непременно везет оттуда хлеб. Особый он, что ли, какой?

– Конечно, особый! – смеется заведующая Боровской хлебопекарней Т. Коцар. – Мы же почти все по выпечке хлеба вручную делаем. К тому же выпекаем его в “особой” печи, которую топим дровами. Значит, и хлеб у нас получается такой, каким в старину его из русской печи вынимали.

И действительно, в маленькой уютной пекарне стоит сногшибательный духовитый аромат настоящего горячего хлеба. Бедные горожане наверняка уже давным-давно позабыли этот запах, а дети наши и вовсе не знают его.

Боровской хлебопекарне скоро “стукнет” полвека. Она всегда была предметом особой гордости боровчан. В прошлую бытность пекарня “выдавала” в сутки всего двести буханок – и хватало. Но поселок разрастался, и лет десять назад та же самая маленькая пекарня щедро выпекала за сутки до двух тысяч буханок своего знаменитого хлеба. И ничего – управлялись.

Хлеб, как поется в песне, – всему голова. Однако нужда в нем в последнее время у населения поселка стремительно падает. Люди перестают покупать хлеб – нет денег... Такого здесь еще не бывало. В Боровом живут в основном работники леспромхоза. А с зарплатой у них то же самое, что везде.

Надо отдать должное руководству леспромхоза. Изо всех сил оно пыталось компенсировать людям отсутствие зарплаты продуктами питания, в частности, мукой, сахаром, маслом. Вот и пекут теперь хлеб дома.

И все же – плывет над поселком манящий, густой, теплый дух живого хлеба. И невольно в голову пришло: пока жива пекарня – жив и поселок!

ЗВОНОК НА УРОК

Более пяти лет назад прозвучал он впервые в новой школе поселка Боровой. Хороша школа – ничего не скажешь. Уверенно и даже солидно стоит, окруженная великолепным сосновым лесом, будто парком. Со всех сторон сбегаются к ней аккуратные тропинки и дорожки.

– Мы до сих пор вспоминаем добрым словом бывшего председателя Ухтинского исполкома Г. Бураку, – говорит бывший директор школы, а ныне преподаватель математики А. Горбачева. – Если бы не он, не видать бы нам новой школы.

Однако то, что годами не обновляется и не заменяется, рано или поздно ветшает. Оборудование, спортивный и иной инвентарь, учебные пособия, канцелярские принадлежности – во всем этом мы испытываем нужду. Учительский состав – практически одни пенсионеры, притока молодых нет...

А дети-боровчане тем временем, визжа, толкаясь и падая, носятся по школьному двору. Они уже ко всему привыкли: дома нет одного, в школе – другого. Ну и что? Жизнь-то для них все равно не останавливается! В школе – учеба, кружки, концерты. В клубе – большая художественная самодеятельность: пой, играй, танцуй вволю.

– Нормально живу! – охотно отвечает на мой вопрос лохматенький третьеклассник Вовка с крутым румянцем во все щеки, – по физре пятерик сегодня получил. Мамка? На складе работает, но ей денег не дают. А папка не работает, водку пьет, он у нас пьяница... – и засмеялся хитренько, – я, может, тоже водку пить буду, когда вырасту. А может, и не буду. Пойду учиться на шофера, а шоферам пить водку нельзя! – и убежал по длинному школьному коридору, взметнув полами кургузого пиджачка, из которого давно вырос...

“МЫ ВЕДЬ ЕЩЕ ДЕРЖИМСЯ”

– сказал глава администрации поселка Боровой Н. Бачкис. – Как ни тяжело приходится, а держимся. Проблема на всех одна – финансы. Все у нас на учете: бюджетники, работники леспромхоза, пенсионеры, инвалиды, безработные. Если кому-то совсем уж худо приходится – администрация всегда старается прийти на помощь. Очень хочется надеяться на здоровое и разумное мышление правительства республики: необходимо оказать посильную поддержку тем хозяйствам, которые до сих пор еще “не утонули”, еще держатся на плаву.

Да, поселок Боровой, к счастью, еще живет своей обычной трудовой жизнью, мало чем отличающейся от нашей, городской. Живет упорством своим, русской выносливостью и терпением. Надеждой своей великой – на лучшее завтра.

УБИТЬ В СЕБЕ ДРАКОНА...

Жуткая до неправдоподобности история всколыхнула город однажды зимним днем. Было совершенно изуверство над двумя малолетними детьми.

Нет смысла сейчас потрясать воображение читателей описанием его кровавых сцен. Многим уже известно, как все это было.

Речь пойдет о другом. О несовершеннолетних преступниках, свершивших злодеяние. Вернее, о судьбе одного из них.

ДЕТИ

Мальчики, чьи руки с отроческих лет обгарились кровью: Виктор Орешников и Максим Медведев. Еще вчера они были пацанами. Завтра им предстояло стать

юношами. А сегодня они... полуубийцы без возраста. Для них наступило безвременье.

А вот их жертвы: Павлик и Артем. Мальчишки, еще вчера считавшиеся детьми. Мальчишки, в одночасье расставшиеся с детством. Братья, ставшие инвалидами, вместе с физическим и душевным здоровьем надолго потерявшие детскую радость бытия.

РОДИТЕЛИ

Их четверо, которых коснулась беда. Мама и папа братишек Квирам. Мама Виктора Орешникова. Мама Максима Медведева. В один миг всех четверых скрутила судьба “в бараний рог”. И вряд ли найдутся сейчас единственно верные слова, точно определяющие сегодняшнее их состояние. Кто не поймет чувств

родителей и родственников Павлика и Артема, чудом вырванных из рук преступников? И кто измерит ту глубину страданий, в которую погружены сейчас несчастные матери Виктора и Максима?

“...Пусть каждый представит на месте моих сыновей своих детей или внуков: с девятью рублеными топором ранами головы, с несколькими ножевыми разрезами лица и шеи, истекающими кровью и полужатоженными в ванной...”

(Из заявления отца, С.Р. Квирам, в Управление народного образования г.Ухты).

“...Полученные детьми травмы повлияют на всю их жизнь, им будут недоступны многие профессии. У обоих детей перенесенное оставило жуткий след в памяти. Старшего, Павла, преследуют воспоминания пыток и издевательств. Младший уверен, что попытка убийства обязательно повторится. Невозможно представить, что будет с ними, когда они узнают, что один из “преступников” оставлен на свободе...”

(Из писем возмущенной общественности города).

Это – справедливая реакция жителей города на то, что произошло. Комментарии тут, что называется, излишни.

Преступление и наказание

А теперь давайте все вместе подумаем о том, что делать дальше. Отбросить в сторону человеческие эмоции невозможно – они слишком сильны. Но нельзя не считаться с законом. А он гласит: к уголовной ответственности за совершенное преступление привлекаются лица, достигшие 14-летнего возраста.

На момент преступления Виктору Орешникову 14 лет уже исполнилось. Он заключен под стражу, и ему предъявлено обвинение в покушении на убийство. Будет суд, который определит меру его наказания.

А вот по поводу второго участника совершенного злодеяния – Максима Медведева-до сих пор пылают страсти и ломаются копья. Ему еще нет 14-ти лет, и к уголовной ответственности он не может быть привлечен. И по поводу его дальнейшей судьбы до сих пор идет борьба. На одной стороне баррикады – родители пострадавших детей, их друзья и родственники, учителя и ученики школы, в которой он учился, городская общественность. И требуют они только одного: учитывая социальную опасность Максима Медведева, поместить его в специальное учреждение для подростков-правонарушителей (спецПТУ) закрытого типа. “В противном случае, – как убежден отец братьев Квирам, – нас ждет еще не одно преступление, совершенное этим же “малолетним монстром...”

А на другой стороне баррикады – мама “малолетнего монстра” Максима. Мама, в глазах которой стынет сейчас боль всех матерей, страдающих за проступки своих детей. Нет, она не осталась в одиночестве в своей беде, с ней люди, знающие ее семью не один десяток лет. Ее поддерживают, ей сочувствуют, разделяя ее горе. Она осталась одна против разгневанных и встревоженных горожан, которых можно понять.

НО КТО ПОЙМЕТ ЕЕ?

“Она вырастила монстра, подобного прежде всего себе самой, и у нее теперь нет никакого морального права...” – пишет в заявлении отец Квирам, ослепленный горем. Его тоже можно и нужно понять. Но вот согласиться с ним...

Говорит мама Максима, Татьяна Леонидовна:

Я лучше, чем кто-либо другой, понимаю, какое горе принес в семью Квирам мой сын. Так же хорошо я понимаю тревогу горожан, требующих сейчас изолировать Максима от других детей. Он совершил зло, которое по всем законам справедливости должно быть наказано, – это я тоже хорошо понимаю.

Единственное, чего я не в состоянии понять: как Максим мог сотворить такое...

Но послушайте теперь меня. Я, мать, которую сейчас тоже называют “монстром”, перед лицом Бога и всех тех людей, которые знают меня и мою семью, заявляю: никогда мой сын не был таким, от которого можно было бы ожидать столь чудовищного преступления. До двенадцати лет он вообще был домашним, спокойным ребенком. Подрастая, общаясь с другими детьми и стараясь, как все они, выглядеть взрослее, Максим становился более непослушным, менее управляемым – но и только. Я не знаю, все ли матери так “трясутся” над воспитанием своих детей, как я. Но я делала все, чтобы мой сын никогда не слыл “безотцовщиной”, имея пьющего отца, рос хорошим, добрым, умным человеком, – как бы странно это сейчас ни звучало. С десяти лет он уже зачитывался книгами, увлекался рисованием, вышиванием, шахматами. Я научила его самостоятельности и чистоплотности: он делал уборку в квартире, бегал по магазинам, сам и готовил ужин, если я задерживалась на работе. Иногда я, усталая, возвращалась домой, чувствовала с порога, что в доме пахнет пирогами, и улыбалась про себя: значит, Максимка получил двойку... Так уж было заведено: провинится в чем-либо – печет пироги, чтобы хоть чем-то смягчить мое огорчение...

...Господи, как он всегда мечтал о друге! Я говорила ему: “Максимка, хороший, настоящий друг – это большая, но нечастая удача в жизни. Не торопись и не переживай по этому поводу. Придет время, и ты встретишь такого друга...” Когда, в какой злой час судьба столкнула его с Витей Орешниковым? Сколько раз я бегала к матери Вити, обращалась в инспекцию по делам несовершеннолетних: я, как чувствовала, что нельзя им быть вместе, Максиму и Виктору. Мой сын, получив в основном “женское” воспитание, проявлял черты слабых характера, он из породы “ведомых” людей, с удовольствием подчинявшихся тем, кого они уважают. Так он “восхищался” сильным и независимым Витей Орешниковым. И я все больше боялась, как бы сын не втянулся во что-то нехорошее.

НО ЧТОБЫ В ТАКОЕ...

То, что совершил Максим, не просто потрясло меня. У меня будто вырвали душу... Но я – мать. И свой крест по жизни обязана нести. Я не защищаю и не оправдываю сына, не стараюсь представить его таким невинным ангелочком, нет. Все это время я безуспешно “ломала” голову, пытаюсь понять, где же я упустила, проглядела что-то важное в воспитании сына. Ведь что-то было такое, что сделало возможным этот кошмар... Не знаю. И Максим сам не знает, что это было. Не может ни рассказать, ни объяснить.

...Когда прошел первый шок, я повела его в церковь. Дала ему в руки свечу, поставила перед иконой и сказала: “Отныне ты должен забыть все имена на свете, кроме имен Павлик и Артем. Ты будешь стоять здесь и просить Бога, чтобы он сберег этих детей для жизни...”

...В течение трех месяцев мы ходили с ним в церковь. Были мы и у настоятеля о. Евгения. Максим

исповедался перед ним. А когда сына прямо из школы забрали и увезли в детприемник в Сыктывкар, я поехала в епархию к владыке Питириму. Тот принял и выслушал меня... И теперь у нас есть выход! Оказывается, Максима для перевоспитания можно поместить в монастырь. И я поняла: если принято решение изолировать Максима в исправительно-трудовое учреждение, то лучшего места для этого, чем монастырь, нет. СпецПТУ – это трясины. Попавшие в нее неизбежно теряют последнее лучшее, что в них есть. А монастырь – это место очищения и пробуждения души. На время, назначенное владыкой, Максима могут взять в монастырь, где содержатся такие же оступившиеся, как он, подростки. Трудом, постом и молитвами они будут заслуживать прощение перед Богом и людьми.

Но как это сделать, если меня нигде не хотят выслушать? От меня шарахаются, как от прокаженной. Приняли и выслушали меня только в церкви. Покаявшись и исповедавшись, мой сын получил благословение на содержание в монастыре.

“НЕ НАДО “ЖАЖДАТЬ КРОВИ”!..“

Мы не случайно дали возможность матери Максима высказаться на страницах газеты. Это ее право. Таким же правом воспользовались и друзья, близкие семьи Медведевых. Отмечая, что они, как все другие люди, были потрясены случившимся, они все же считают, что Максим – не потерянный для общества человек.

“...Не укладывается в голове, как мог этот мальчишка, которого мы знаем все тринадцать лет его жизни, совершить такое, – пишет Надежда Николаевна Морощкина. – Он был опорой и надеждой матери, вкладывающей в его воспитание всю душу. Она сама по жизни – справедливый, умный, сердечный человек. Всегда первой спешит на помощь тем, кому плохо. Как можно теперь обрушиваться на нее, обливать презрением, совсем не зная ее?! Решая судьбу Максима, не забывайте, что он сам еще ребенок... Мне думается, что нужно не “крови” его жаждать, а помочь не потерять себя в жизни окончательно”.

С просьбой передать Максима Медведева ему на поруки, что тоже подразумевается законом, в комиссию по делам несовершеннолетних обратился и участковый милиционер МОБ УВД г. Ухты И.А. Мартюшов, который, занимаясь с ним все время после происшествия, считает, что в дальнейшем Максим никогда более не совершит преступления.

А что думают на этот счет другие работники правоохранительных органов?

– Да, случай тяжелый и неординарный, – отмечает помощник прокурора города В.А. Володина. – Согласно закону УК РФ Медведев в силу своего возраста не может быть привлечен к уголовной ответственности. Школа, где он учился, и городская общественность, категорически отказались допустить его к обучению в своем городе, и мы были вынуждены направить его в детприемник в Сыктывкаре. Там он может содержаться

лишь 15 дней, после чего должен быть направлен в спецПТУ закрытого типа. Так решила комиссия.

– Раньше на Руси многих преступников помещали для перевоспитания в монастырь, – сказал настоятель Ухтинской православной церкви о. Евгений. – Суровая монастырская жизнь, изоляция от внешнего мира, молитвенное служение, тяжелый физический труд – все это оказывало на людей самое благотворное влияние. Потому что в среде этой нет ни унижения личности, ни издевательств над нею, но есть строгость и справедливость. Там учат и наставляют любовью. Не сюсюканием и не сантиментами – а Любовью. Я не случайно повторил это слово, ибо Бог есть Любовь, а в монастыре учат не злодействовать, не убивать, а – любить.

Каждое общество порождает себе подобных. Общество убийц и воров порождает убийц и воров... Общество, основанное на любви и милосердии, порождает Любовь и милосердие.

Мать Медведева считает, что помещение сына в спецПТУ – не единственно возможный вариант. Есть другой, более действенный. Это монастырь. Место, где оступившихся подростков через своих служителей воспитывает сам Господь Бог. В него у матери веры больше, чем в надзирателей спецПТУ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О том, что произошло, трудно говорить спокойно и беспристрастно. Но необходимо. Понятна реакция школы, учителей и учеников, гневно заявляющих, что не допустят Максима к учебе в своей школе. Но не понятна конечная цель их реакции. Что, с устранением Максима в школе воцарятся рай и благодать? Что, в школах прекратятся драки, взаимные порабощения и издевательства друг над другом? Повысится успеваемость? Что, такие, как Орешников и Медведев, только вчера явились в школу? И разве нет и не было серьезной опасности, что завтра на их месте окажется Иванов, Петров, Сидоров? Или все действительно считают, что, изолировав Орешникова и Медведева, преступления тут же прекратятся, и родители могут “спать спокойно”, не беспокоясь больше за своих детей?

Не думаю. Все-таки корень зла гораздо глубже, чем кажется. Он – во всех нас, в нашей жизни, в наших мировоззрениях, в наших поступках. Спасая наших детей от орешниковых и медведевых, мы прежде всего, наверное, должны думать о том, как спасти их от самих себя, от того, что, может быть, тайно зреет в каждом из них, и не дай Бог наступит взрыв, когда изнутри вдруг поперет “монстр”...

ДАВАЙТЕ ДУМАТЬ ВМЕСТЕ.

О себе, о своем месте в жизни. О детях наших. О том, как оградить их от самих себя. Помните мудрую сказку “Убить дракона”? Ее смысл: страшен не тот дракон, что нападает, изрыгая огонь и ярость. О том, что в каждом из нас есть свой “дракон”, который, вырываясь, нападает на ближнего своего. О том, что каждый живущий должен “убить дракона” в себе...

И пусть Бог даст каждому из нас силы сделать это.

КАНДАЛЫ ИЛИ ЛЮБОВЬ?

*“А брат твой в далекой Сибири
давно кандалами гремит...”*

Наступает время выдвижения кандидатов в депутатский корпус местного самоуправления. И люди начинают думать.

Многое сегодня служит поводом для размышлений. Для меня же темой раздумья послужило недавнее выступление по телевидению председателя Государственной Думы России Геннадия Селезнева. Честно признаюсь: озноб пробрал...

– Я хочу, чтобы об этом знал и весь мир, – сказал он. И уверенно, весомо, с улыбкой на устах спикер нижней палаты парламента сообщил, что лично он за такой вид наказания для осужденных как... каторга. И чтобы на каторжных работах и каменоломнях, рудниках и лесных чащобах люди молили Бога о скорой смерти...

Господин Селезнев уверял, что именно каторга нужна сегодня нашему обществу – как верное средство борьбы с преступностью.

...Я слушала речи улыбчивого руководителя российского “мозгового центра”, а в ушах будто звучал кандалный звон... Государственная Дума в лице ее спикера предстала перед глазами в виде такого монстра-палача, что не хотелось верить ни ушам своим, ни глазам. А ведь это говорил человек, облеченный народным доверием решать наши судьбы, думать о нас, заботиться, стремиться сделать нашу жизнь лучше, свободнее, достойнее. Отвечать перед Богом и людьми, наконец, за судьбу России...

А он, главный депутат государства, мечтает о таком месте для россиян, где они бы гнили заживо.

Так, значит, именно каторга, памятная человечеству с рабовладельческих времен, необходима сегодня для успешной борьбы с коррупцией, с преступностью? Смертной казни уже маловато будет? Нужно, чтобы люди, виновные перед законом, хорошенько помучились, умирая медленно и долго? А ведь среди них и чьи-то мужья, сыновья или отцы...

Я долго не могла успокоиться после таких речей, прозвучавших из Москвы на весь мир. И теперь хочу обратиться ко всем ухтинцам. К тем, кто готовится сейчас предложить себя в качестве депутатов от народа, и к тем, кто отдаст им свой голос и свое доверие.

Наверное, эта тема волнует сегодня не одного человека. Даже “вечные скептики”, даже давно разочаровавшиеся во всем люди уже, очевидно, чувствуют, что пришло время как никогда серьезно задуматься о том, кого же сегодня выбирать, кому доверить жизнь города и самой России? Кто придет сейчас к власти, с чем, с какой целью? Как распознать намерения кандидатов, их способность жить по совести и делать дело, а не только сигнализировать депутатским

значком и манипулировать депутатскими полномочиями?

Скоро каждый кандидат в депутаты представит на суд людской свои программы, в которых, надо полагать, будут и благие намерения, и обещания. Скоро группы поддержки будут рассказывать нам о том, какой хороший, честный, порядочный тот или иной человек и что он сможет сделать для города, каков его жизненный и рабочий опыт. Что ж, так оно, наверное, и есть – и дай Бог, чтобы к управлению городом пришли именно такие люди.

Большей части горожан сегодня далеко не безразлично, кого они изберут, – и это уже обнадеживает. Уж очень прижало нас всех, уж слишком близко подошел край. Наболело, накопело, душу теснит...

А потому – и надеемся, и ожидаем, и ошибиться боимся. А потому – много думать надо.

Но, наверное, не о казнях, ссылках и каторгах. Пришла пора задуматься о другом. О жизни, например: о совести и справедливости, о чистоте и красоте, о любви и материнстве, о созидании и творчестве, о тепле, уюте и благополучии каждого человека, о труде и земле, о детях и стариках.

А ведь столько всего еще нужно сделать! Сколько души, ума и труда нужно вложить, чтобы в каждом доме появился хлеб, чтобы у каждого малыша были игрушки и книги. Чтобы каждый мужчина имел работу, а каждая женщина легко и радостно выносила в чреве ребенка. Чтобы чистотой и здоровьем задышала природа, которой не мешали бы вновь возродившиеся заводы и фабрики, и чтобы вновь заплодоносила земля-кормилица. Чтобы повсеместно воцарился честный и справедливый закон, изданный для блага людей, а не против них...

Наверное, все это будет еще не скоро. Но начинать созидательную работу надо уже сейчас. Начинать со своей души и со своей совести. Каждому. И особенно тем, кто сегодня выражает свою готовность встать “у руля”.

Возрождение России должно начинаться с возрождения Духа и Любви. Любви к каждому человеку, будь то бож или министр, старик или ребенок.

Но уж никак не с меча и кнута. Не с карательных мер и каторг. Все это на долгом пути русского народа, полном горя и скорби, уже было. Все это мы уже проходили – наши отцы, деды и прадеды знают об этом не понаслышке. Разве не так?

Так что же мы выберем: кандалы или Любовь?

ИЖДИВЕНЦЫ? “КУЛАКИ”? А МОЖЕТ, ХОЗЯЕВА?

Деревня Лайково. Одна из многих на земле Коми, выброшенных за борт жизни. Прошли те благодатные и ни к чему не обязывающие времена, когда ею руководил и ее содержал государственный “папа”. Он и сам-то, видно, был не из очень умных и толковых, потому что за годы своего царствования так распустил “тружеников полей и ферм”, что они в большинстве своем давным-давно забыли, что являются “хозяевами земли”, как считалось когда-то. Прежняя система хозяйствования превратила их в послушных, но ленивых и нерадивых рабов, для которых труд на земле, не приносящий ни радости, ни заработка, стал тяжким и скучным ярмом. Единственным отрадным выходом для мужиков и баб было самозабвенное пьянство, чему они с успехом и предавались.

Конечно же, не все. Были и такие семьи, которые, трудясь не покладая рук и не надеясь ни на каких “отцов”, сами сколачивали свое домашнее хозяйство. И сегодня у них есть все необходимое для жизни: хорошие добротные дома, коровы и телята, птица, свои луга и покосы, картошка и всевозможная зелень.

В конце концов, и “папа”, отягощенный ростом своих государственных проблем, отказался от нерадивых деревень. Идите, мол, сыны и дочери мои, на волю, отпускаю вас с миром. Учитесь теперь сами стоять на своих ногах, хватит, насиделись на моей шее...

Притихло было Лайково, озадачилось. Ишь, свободу, говорят, дали. А от чего свободу-то? От куска хлеба? А где ж его теперь брать? Самим себя кормить? А как?

Собирались на сходы деревенские жители. Шумели, кричали, плевались, плечами пожимали. Начальство из города призывало их “не вешать носа”, сколачивать новые хозяйства – кооперативы называются. Другие деревни: Гажа-Яг, Кедва, Поромес, слышно, такие кооперативы уже складывают. И на сенокосы вышли.

Бывший бригадир деревни Магомед Магомедов сильно нервничал на сходах. “Я, – говорит, – столько сил и нервов на вас, баранов, положил, пока бригадирствовал при совхозе!” Мы, дескать, молоком город и поселки заливали – шутка ли? Но времена теперь другие. Самостоятельно сельскохозяйственные дела вести надо: откармливать, доить, сажать, заготавливать, косить, пахать. А потом все, что произрастет, продавать. Полный, дескать, хозрасчет.

Слушали мужики Магомеда, в затылках чесали. Оно вроде и верно тот говорит, тем более, что за десять лет бригадирства и за двенадцать лет жизни в деревне Магомед показал себя крепким хозяином, башковитым и работягой, каких поискать. Но, опять же, пришлый он, и по крови – чужак, не коми, осетинец, вроде... Разве дело это, чтобы коми деревню возглавлял бусурман какой-то, хоть и хороший человек?

Сильно осерчал тогда Магомед на сход. “Ладно, – сказал он, – не хотите жить, как люди, – воля ваша. Я-то и себя и семью прокормлю, старайтесь и вы тоже. Сами”.

Хорошо ему, Магомеду, рассуждать. Прочное он себе хозяйство сколотил: и дом, и живность всякая, и огороды, и самодельная лесопилка, и машина, и мотоцикл, и мотокосилка – словом, мини-колхоз на дому. Но опять же все сам, на своем горбу, своими

мозолями добыл. И разгорячились сердца лайковцев: а мы что, хуже?

Словом, судили-рядили и решили: Бог с ними, с совхозами и кооперативами, а раз так, то мы и сами с усами, прокормимся единоличным хозяйством. Все добро совхозное, что нам причитается, между собой разделим, землей разживемся – и с Богом!

Начальство не возражало – что ж, действуйте. Покажите, на что способны. Землю вам? Пожалуйста, вот она лежит, раскинулась вся перед вами, рук хозяйских ждет. Техника, какая ни какая есть, а ваша – берите, налаживайте, запускайте в дело. Конечно, платить придется, а как вы хотели? Это же все государственное, на балансе стоит.

Магомед с несколькими такими же, как он, мужиками-трудягами вскладчину выкупили трактор. Кое-чего другие по мелочи разобрали. Татьяна Бурьяновская, хозяйка большого подворья, где и лошади есть, и коровы, и прочая животина, сходила к директору совхоза “Израильский” и самолично договорилась об аренде совхозной теплицы – чего же ей зря пустой простаивать? И теперь, объединившись с еще тремя хозяйками, выхаживают они в этой теплице первоклассные овощи.

Это – в принципе. Те, кто до сих пор трудом своим кормились и теперь не пропадут. Руки-голова есть, домашнее добро нажито, землей оделили – успевай теперь только поворачиваться. Тяжко? А кто говорит, что хлебушек легко дается? Вот и в Библии сказано: “В поте лица своего будешь хлеб добывать...”

А другие-то? Ну из тех, кто не привык шибко уж спину гнуть? Всю жизнь зарплата какая-никакая шла, можно было и на печи лишний раз полежать, и винцо попить, и “за жизнь” пофилософствовать... Им-то теперь как? А ведь тоже есть-пить надо, детишек обуть-одеть, выучить, в армию проводить, женить. Так ведь и они не забыты: землю всем дали. Хочешь – распахни и картошки насажай. Вырастишь урожай, соберешь – и продай городу. Вот тебе и деньги на зиму. А нет – так травы накоси, сена заготовь – и опять же на продажу. Конечно, попотеть, повертеться придется, а как без этого?

Так и живет сегодня Лайково – в беспрестанных трудах по хлебу засушному. Магомед, что день-днемской пропадает на покосе (в одиночку гектары отмахивает на своей мотокосилке!), смеется, довольный: “Раньше, при совхозе, я с трудом их на сенокос в 9-10 часов утра сгонял, а сейчас – еще солнце не встало, а деревня уж будто вымерла. На свою землю с зарей бегут и до зари косами машут. Вот что значит – на себя работать. Знают: не управятся, поленятся, значит, зубы на полку. Это и есть жизненный стимул...”

Работает Лайково. Другие деревни в кооперативах, а он – на себя. Эксперимент такой проводят: получится или нет себя прокормить? Дай Бог, конечно, чтобы получилось.

Но вопросов еще – тьма-тьмушая. И решение многих из них зависит не только от самих лайковцев. Например, что будет с семьей, если, не дай Бог, заболит кормилец, хозяин, главный работник? А как прожить безмужней женщине с детьми, как ей управиться с землей в одиночку? А больничные? А пенсия? Тут уж, думается, хочешь не хочешь, а государство, республика,

город должны головы свои поломать. Ведь люди, подобные лайковцам, не иностранцы, не инопланетяне какие, а свои, наши, на одной с нами земле живущие. Значит, их проблемы – наши общие. И помощь извне им

так же необходима – об этом государственным мужам крепко подумать надо. Эксперимент экспериментом, но ведь за ним – живые люди, земляки наши...

НОЧЛЕЖКА,

или Репортаж о людях с такими разными судьбами

“...Ухтинский дом ночного пребывания основан в августе 1995 года. За это время в нем побывало 1041 человек. Из них в ночлежном отделении – 842 человека. Ухтинцев – 420. Из городов Республики Коми – 174 человека. Из России – 193. Беженцев из ближнего и дальнего зарубежья – 47. Инвалидов – 71. Пенсионеров – 45. В основном это трудоспособные люди, которые еще могли бы быть полезными обществу...”

...Честно признаюсь: я ехала в этот дом ночного пребывания с некоторым опасением. В моем представлении это что-то среднее между горьковским “дном” и современной обшарпанной общагой, где по тусклым коридорам бродят пропитые типы в лохмотьях и носках, заменяющих обувь, а в комнатах – погром и сплошной табачный “синий туман”...

Но то, что я там увидела, ей-богу, повергло меня в изумление.

“ПУСТЬ ЛЮБУЮТСЯ НА КРАСОТУ...”

Валентина Ивановна Вологжанина, директор и хозяйка дома, водила меня с этажа на этаж, распахивала то одну дверь, то другую и говорила с чуточку хвастливой, но, как я позже убедилась, вполне оправданной горделивостью:

– А это вот бокс. Сюда мы помещаем новичков. Пока они не встанут на учет в приемнике-распределителе и не принесут справок об отсутствии у них туберкулеза, педикулеза, кожных и иных заболеваний, в общие комнаты доступа им нет. Вот душ. Тут они отмываются, приводят себя в человеческий облик. Затем сдают свои вещи на обработку, переодеваются во все чистенькое и – преображаются.

Свежее белье, халаты, брюки и тапочки – многие из них уже забыли, что это такое. После всех необходимых процедур их осматривает наш врач и – пожалуйста в палаты! А вот это мед-изолятор. Сюда мы помещаем заболевших, оказываем им первую доврачебную помощь...

Разумеется, в ночлежном отделении все просто, без шика. Но зато – чисто. И, что особенно трогательно, во всем чувствуется попытка создания уюта. В коридорах – цветы, на окнах занавесочки, картинки и репродукции загадочных улыбающихся красавиц.

– Это мы специально развесили, – смеется Валентина Ивановна, – пусть наши мужички любят юность на истинную красоту!

МУЖИЧКИ

А вот и они. Уютно чаевничают за столиками в коридоре. Вымытые, в цветастых халатах, в шлепанцах – такие домашние! В комнатах ужинать – ни-ни. Так принято общим решением. Убирать за ними некому, это делают сами. В комнатах – лишь кровати (изредка раскладушки) да тумбочки. Не перестаю удивляться чистоте.

– Мы не мусорим! – словоохотливо поясняет бойкий мужичок, покрасивее запахиваясь в халат, – а

зачем? У себя в дому только последний дурак гадить будет. Да и хозяйки за нами строго смотрят. Если чего – такую взбучку учинят, не приведи Господь, сам не рад будешь...

– О чистоте и порядке все они предупреждаются сразу же, – подтверждает Валентина Ивановна. Это – обязательно, иначе никакого сладу с ними не будет. Контингент у нас особый: бомжи, безработные, в основном из мест лишения свободы. В круглосуточной смене у нас – администратор, врач, вахтер и постовой милиционер. Это – на всякий пожарный. Но – тьфу, тьфу, тьфу! – пока инцидентов не было. Пьянки и скандалы здесь сразу пресекаются. Бывает, что сцепятся – все-таки люди нервные, издерганные, да и характеры разные, но до плохого не доходит. Они же понимают, что могут лишиться всего, что здесь имеют.

А имеют здесь обитатели все необходимое: теплую крышу над головой, горячий душ, чистую постель, медицинскую помощь, возможность постирать-заштопать, телевизор, шахматы, газеты-журналы. И главное: заботу о себе, сирых и никому не нужных. Потому что, несмотря ни на что, все они – люди.

– Вот придет такой из мест лишения свободы, – рассказывает Валентина Ивановна, – ни квартиры у него, ни прописки, ни работы. Помыкается, поскитается по чердакам и подъездам. Узнает про наш дом, приплетется кое-как. Господи, смотреть на него страшно! Отмоем, отогреем – и начинаем хлопотать. Помогаем собирать справки на пособие, на пенсию, пытаемся пристроить на работу...

Хозяйка дома во всем идет навстречу своим жильцам – лишь бы те сделали шаг навстречу самим себе. Вот освободился из зоны некто Д. Человек “незапущенный”, приличный. На первом этаже в ночлежке ему не понравилось, попросил поселить его наверху, в социальной гостинице, где в комнатах и мебель приличная, и белье новое, и шторы на окнах.

Обычно сюда селятся люди, попавшие в экстремальную ситуацию и нуждающиеся во временном жилье. Правда, там проживание платное, хоть и недорогое – 13 рублей в сутки. Пообещал, что устроится на работу и с первой же полочки расплатится. Посмотрела на него Валентина Ивановна – и согласилась, поверила на слово.

И действительно, квалифицированный жестянщик, он быстро нашел себе работу. Месяц жил в гостинице бесплатно. И с первых же денег заплатил за проживание. Вскоре и с жильем определился, съехал. Теперь при встрече кланяется, улыбается.

Или вот Тамара Васильевна. Год назад “приблудилась” к Дому, когда все свое растеряла: муж и две дочери умерли. Родня – тоже. Квартира “ушла” по пьянке. Вся жизнь – под откос. Но Валентина Ивановна сказала ей: “Хочешь жить по-людски – живи. Дам тебе

комнату, за нее расплачиваться будешь работой. Условие одно: не пить”.

И живет теперь Тамара Васильевна, как человек. У нее отдельная комнатка, скромная, но уютная. На кровати спит рыжий кот. Она убирает “за мужиками”, моет полы, поддерживает порядок. Подработают они, принесут кой-каких продуктов – она сготовит им еду на кухне. Словом, как сестра всем, таким же обездоленным.

ТРЯСИНА

Ах, если бы всегда все так хорошо кончалось! Если бы все вот так же брали бы себя за шиворот и вытаскивали из трясины. Увы...

Вот один. Есть у него и мать, и сестра. Освободился он, а его и на порог не пускают. Крепко, видно, насолил им в жизни. Долго “бичевал”, пока в ночлежку не попал. Приютили. А дальше что?

Другой. Двоих взрослых детей имеет. Теперь они его знать не хотят. Влачит свое существование кое-как, день прожит – и ладно.

Третий отсидел много лет. С женой разведен. Остался приемная дочь, которую он в свое время вырастил, дал образование. Вернулся. Сунулся было к ней... Не приняла. Нашел себе пристанище в ночлежке. Теперь там ему помогают документы к пенсии собирать.

Имеются в Доме и такие, которые окончательно махнули на себя рукой. Ни увещевания, ни уговоры на них уже не действуют. Угасли. Пьют. Одна женщина лишена родительских прав на четверых детей, потеряла в своей жизни все, бродяжничает. Заливает горе вином...

О ТАКИХ ОСОБЕННО БОЛИТ ДУША

– Как мы только ни бьемся с ними, – говорит Валентина Ивановна, – на какие только эксперименты ни идем, лишь бы вернуть их к жизни! То одно предлагаем, то другое. “Давайте, ребята, соберем строительную бригаду, найдем заказы – на хлеб всегда себе заработаете”. Загорелись было. Но запили

– и все насмарку. Предлагала я и участок земли взять, картошку посадить, чтобы зимой на всех хватило. Для себя же! Не получилось. И жалко их, пропащих, и зло берет...

Валентина Ивановна привыкла возиться с такими “пропащими”. 17 лет проработала в инспекции по делам несовершеннолетних, 27 лет – в инспекции исправительных работ при ГУВД. Вышла в отставку (на пенсию) уже в звании майора. Собралась заслуженно отдохнуть, да получила приглашение возглавить этот вот “приют для бродяг”. И согласилась. Видно, на всю жизнь осталась привычка кого-то опекать, о ком-то заботиться...

“Это наша мама, – улыбаясь полу беззубым ртом, сказал тщедушный мужичок, указывая на хозяйку, – если бы не она – пропали бы мы все, сгинули...”

“ХОЧУ ПОЗНАТЬ БЕСКОНЕЧНОСТЬ...”

Этот человек живет в доме уже больше года. Тихий, спокойный, рассудительный. О нем мало кто знает: зарос себе бородой по грудь да все читает, читает...

Странно сложилась его судьба. Родители привезли его из коми деревни в 1941 году. В деревне шутивно звали его Ефти Вань-Ванька Евдо-Клерик – в это имечко вошли имена прадеда, деда и отца. Закончил Ленинградский институт связи, стал инженером. Переподготовку проходил в ракетных войсках. Вернулся в Ухту. Был одним из первых специалистов, кто запускал в эксплуатацию Ухтинский телецентр.

Женился, растил дочь. Жили в одной квартире с его мамой. Но однажды “крепко врезал одному подлецу”. Посадили. И с тех пор жизнь начала совсем иной отсчет... Вернулся домой – а уж и мамы нет, умерла. И квартиры нет – государство отобрало (жена с дочерью были прописаны в другом месте).

Пожили немного в чужом углу. А тут и новое горе: умерла жена на 33-м году жизни. Любил ее Вань-Вань крепко, долго не мог примириться с потерей. Дочку бабушка забрала к себе в Сыктывкар. Остался один – без прописки, без жилья. И свела жизнь с одним участковым милиционером – накрепко. Тот все повторял при встрече: “Шибко умный, да? Ну-ну, посмотрим...” И всякий раз сажал – “за бродяжничество”, “за проживание без прописки”. А Вань-Вань и не спорил...

Девять лет в общей сложности “отбарабанил” он в лагерях Сыктывкара и Воркуты. Сидел с диссидентами, поэтами, учеными. “Это были умные, мыслящие, прекрасные люди. И то, что они полжизни проводили за решеткой, – только минус нашему государству. В лагерях Вань-Вань работал библиотекарем. Там в те времена еще была уникальная литература – бесценные книги по философии, наукам, психологии, искусству. Все то, что собирали, берегли и оставляли после себя “умные зеки”. Читал запоем.

В промежутках между сроками жил у друзей. В последний раз освободился в 1985 году. С тех пор больше не сажали, хотя прописки не имеет до сих пор. С 1992 года постоянной работы не находит. Время от времени подрабатывает то в Ухтинском индустриальном институте (в технике он по-прежнему ас), то по наладке электрохозяйства в совхозах, то картошку перебирает. Прочитал однажды в газете про ночлежку, пришел. Да так и остался. Сейчас собирает справки для пенсии, да вот ответы на запросы из лагерей Воркуты и Сыктывкара все не приходят...

На вопрос, как он оценивает свою прожитую жизнь и чего ждет от нее в дальнейшем, Вань-Вань ответил:

– Я не вправе оценивать свою жизнь – это прерогатива Бога. Единственное, чего мне в ней жаль, – это потеря мамы и жены. Дочь, слава Богу, выросла и, надеюсь, счастлива. А жил я так, как сложилось, хотя до сих пор не знаю – за что сажали. Какая была в этом необходимость? Впрочем, все это суета и передраги. Сейчас меня занимают другие мысли. Я сожалею, что всегда был материалистом, потому что в последнее время все больше задумываюсь о Боге, но не как о “строгом дедушке с бородой”, а как о Творце, Создателе Вселенной. В свое оставшееся время я хотел бы понять, что такое бесконечность, сингулярность – это то, над чем всегда задумывались лучшие физики, начиная с Эйнштейна. Мои слова, наверное, кажутся вам бредом сумасшедшего бомжа? Смею вас уверить: я здоров. Но жизненную суету давно оставил, о чем нисколько не жалею. Думаю о бесконечности. О бесконечности Бога, Вселенной, жизни, духа, любви. Наверное, это главное. Чтобы понять наше предназначение на земле...

“БУДЬТЕ МИЛОСЕРДНЫ!..”

Проблем в Доме – не меряно. Но маленький его коллектив не жалуется. Где хитростью, где лаской и уговорами, где настырностью – но свое дело они делают. Ремонтируют, исправляют, латают, добывают.

Одного только добиться пока не могут, хоть это и не входит в их служебные инструкции. Проблема с доставкой постояльцев дома вечером из города в поселок Дальний, где он находится. Нет денег у них на

оплату проездных талонов – где ж их взять? В морозы ходили из города до аэропорта пешком...

Составила было Валентина Ивановна карточки на каждого, вручила всем. А там – обращение к кондукторам и водителям автобусов: “Пожалуйста, довезите подателя сего до аэропорта. Он – житель “ночлежки”, денег на проезд нет”. Какое там! Выбрасывали их из автобусов. Неоднократно письменно просила директора Ухтинского пассажирского автопредприятия В.А. Тюльнева разрешить один только раз в день, на одном рейсовом автобусе, в течение одного только часа с 18 до 19 часов доехать бесплатно жильцам из города в поселок.

– Тюльнев ответил коротко: “Мне не до ваших бомжей!” – Энергичное лицо Валентины Ивановны раскраснелось от негодования. – Просили его об этом и через Управление по социальным вопросам – бесполезно. Считаю такое отношение просто бесчеловечным. О каком же проявлении милосердия и сострадания может идти речь, если людям отказывают даже в такой малости?

...Вот и тянутся цепочки одиноких, усталых, никому не нужных людей по всей дороге от Ухты до Дальнего. В мороз, пургу, слякоть и дождь. Они идут домой, где их ждут. А это значит, что для них не все потеряно – у них есть Бесконечность надежды...

МАМА НА ОБОЧИНЕ.

“Разоряющий отца и выгоняющий мать, – сын срамный и бесчестный...”
(Библия. Притчи.)

...Старушка сидела в подвале жилого дома, привалившись спиной к стене и вытянув большую ногу. Стояла ночная тишина. Это было хорошо, потому что никакие звуки не мешали ей сейчас думать, вспоминать. И в который уже раз задавать себе один и тот же вопрос: “Почему? Ну, почему так!?” И не находить ответа. И плакать, плакать, плакать бессильными старческими слезами...

...Ох, и трудно они росли, эти дорогие детки! Особенно старшие, родившиеся в послевоенные годы. Болели, сипели, недоедали. С рук и ног вечно не сходили цыпки.

А ОНА, МАРИЯ, ВСЕ РАБОТАЛА...

С юности была такой – жадной на работу. В селе Пиелгино Сысольского района заметили настырную принципиальную девчонку. В самый разгар военного лихолетья отправили на курсы колхозных счетоводов, а позже – в Сыктывкар, на инспектора-бухгалтера. И молоденькая Маша стала ревизором – грозой всех колхозных воров и махинаторов. Молва о ней шла по всем семидесяти колхозам Сысольского района, который она курировала: очень уж строгой, придирчивой была “зеленая ревизорша”, неподкупной и несговорчивой. А она негодовала: как можно хитрить, ловчить, воровать и спекулировать народным добром, когда идет война, когда на фронте гибнут люди, их же земляки-коми, когда малые дети ревмя режут от голода? Сама Маша жила в большой семье – девять человек. Их спасала только матушка-кормилица, корова Яска. Каждому члену семьи полагалось в день по пятьсот граммов хлеба, но и от этой порции они должны были ежедневно отделять по двести граммов – в Фонд обороны. И отделяли, и не роптали, потому что знали: тем самым они помогают фронтовикам выстоять. А значит, вносят свою посильную лепту в приближение желанной Победы.

И потому у Маши не было ни жалости, ни снисхождения к колхозным расхитителям – для нее это были нелюди.

МАТЬ.

А в быту, дома, она, мать и жена, слыла совсем другой: тихой, мягкой, послушной мужу и ласковой к детям. Как поженились они в сорок шестом с Алексеем Никитьевичем, односельчанином, что вернулся с фронта

героем, так и пошли у них детки. Считай, один за одним. Первенцем был Толик. Ох, Толик...

Старушка обхватила голову руками и тихонько заскулила. Нахлынула застарелая волна горя и боли, заслонила на мгновение боль сегодняшнюю.

...Ох, Толик, сынок! Какой он был смысленный, бедовый, озорной! А в школу в первый класс собирался серьезно и солидно: перебирал выстиранные “парадные” штаны и синюю сатиновую рубаху по несколько раз на дню. И, прежде чем взять в руки драгоценные свои тетрадки, вприпрыжку бежал мыть руки... Маленький рыжеголовый Толян, утеха материнского сердца, утонул в речке, так и не дождавшись своего первого школьного дня. С тех пор, хоть и прошло больше полвека, а не перестает болеть душа матери, и плачет она всякий раз, как вспомнит о нем.

А остальные шестеро, слава Богу, живые и здоровые. Пятеро девок да один парень – надежда и гордость матери.

ЖЕНА.

Направили мужа, Алексея Никитьевича, в Кажим Койгородского района заместителем начальника ОРСа. А через два года односельчане избрали его председателем сельпо. Но не удержался Алексей Никитьевич на честных ногах. Стал попивать. Сначала оправдывался тем, что должность у него такая: то – “обмозговать”. это – “обмыть” надо. А там и в привычку вошло.

Долго терпела послушная Мария. Но неумная ее натура не могла смириться ни с пьянством мужа, ни с его расхитительством. Подумать только: на двести восемьдесят рублей пропил с дружками пива из сельповского магазина! Растрату, значит, учинили, а виной этому – председатель сельпо, муж, хозяин, отец шестерых детей. Крепко повздорила тогда Мария с мужем, пригрозила, что уйдет она от него, и детей заберет, если не перестанет он позорить себя и семью свою. Притих Алексей Никитьевич, одумался. Продолжал попивать, правда, тихонько, чего греха таить, многие пили тогда в коми селах и деревнях, но рук своих больше не марал. А как заболел тяжело, то пить и вовсе перестал. Долго болел, сердешный. Умирая, сказал: “Прости, Машутка, что оставляю тебя

одну. Детей подняли, слава Богу. Ты уж теперь за них держись...”

И снова из глаз старухи ручьем хлынули слезы. И откуда они только берутся, Господи? Ведь кажется, уже все глаза выплаканы, ан нет – снова льются. Устало вытерла мокрое лицо концом платка и снова устремила взгляд выцветших глаз в сероватый сумрак перед собой. Что-то зашуршало сбоку, пискнуло – крысы, что ль, подвальные? Да и Бог с ними, чего их бояться? Авось, не съедят. Ничего уже больше не боялась она на белом свете. Всякое испытала. Два инфаркта перенесла и жива осталась. А страшнее того, что довелось ей вынести, и не бывает...

ДЕТИ. ВНУКИ.

Дети росли смиренными да послушными. Озоровали, конечно, как без этого? Но не сильно – все-таки отца остерегались. Выросли, выучились – и разлетелись по белу свету. Девки замуж повыходили, сын женился. Внуки, как горох, посыпались. Редко, но съезжались в гости к матери. Как на крыльях летала тогда Мария Степановна. Горы шанег да сметанников пекла она детям своим да внучатам ненаглядным. А потом опустевал дом...

Прохудилась изба, подточенная временем. Нет мужицких рук. Все реже приезжают дети и внуки. Уж как просила их Мария Степановна отремонтировать крышу, ведь совсем сладу с ней нет. Задожит на дворе – так все ведра и тазы под струи подставляются. Сырость в избе, лужи, как на улице. Нет, не едут дети, некогда им, у всех свои проблемы. И решила Мария Степановна продать избу и податься к дочерям. Много ли веку осталось старухе? У одной дочки поживет, у другой, правнуков помянчит, а там и Бог приберет. Есть кому, слава тебе, Господи, старость материнскую утешить.

Знать бы, чем все обернется, ни за что не оставила бы Мария Степановна свою избу. Но как узнаешь,

ЧТО УГОТОВИЛА ТЕБЕ СУДЬБА?

А судьба уготовила то, страшнее чего не бывает для матери. Отвернулись от нее дети. И внуки тоже. Никому она стала не нужна. Сначала жила в Москве у дочки, та отправила ее в Сыктывкар, к другой дочери, потом посылали бабку то в Ухту, то в поселок Боровой...

Попервости диву давалась старуха: эко несладко живут девки! С мужьями лаются, дерутся, плачут. Злые стали, грубые, весь белый свет им не мил. Ну и лезла, конечно, со своим недоумением старушечьим, с советами своими, никому не нужными. И отпихивали ее, надоедливую, из одной семьи в другую. Из огня да в полымя.

Особенно раздражительной была старшая дочка. Конечно, несладко ей приходилось: с мужем расстались, а тут и работы лишилась, а двоих детей растить надо. Скучную пенсию матери раздрают сразу по получении. Та и перестала отдавать им все деньги целиком,

оставляла себе на хлеб, молоко да творог. А ее за это и кормить перестали. Выйдет на кухню – прогоняют. Попросит бабушка внука-подростка в магазин сходить, а в ответ: “Гони пятерик – схожу”. Обратится к шестнадцатилетней внучке с просьбой спину в ванной потереть, новая такса – “семерка”. Начнет стыдить внуков, а ей: “Закрой рот, старая, еще вякает она!” Высказала как-то в сердцах все это дочке, та подскочила – и по щекам ее, по щекам... Отхлестала – и будто душу из матери вынула.

А недавно шла Мария Степановна из булочной, поскользнулась, упала и сломала ногу. Заковали ее в гипс. Однажды кое-как приковыляла на прием к врачу и, плача, рассказала, что выгнала ее дочь из дома. Велела не приходить больше – не пустит. Другая дочка тоже не хочет держать мать, говорит, самим тесно, пятеро в двухкомнатной живут. Что ей, старухе, теперь делать? Чужие люди попытались устроить ее в больницу – не взяли. И из поликлиники выставили: иди, бабка, иди, тут тебе не богадельня. Поплелась, опираясь на палку. Сунулась, было, к старшей дочке – та сдержала свое слово, не впустила.

До сумерек сидела старая во дворе на лавочке. А как стемнело, вошла в раскрытую дверь подвала, с трудом спустилась вниз по разбитым ступенькам. Нашла какой-то ящик, села, вытянув больную ногу, привалилась плечом к стене, закрыла усталые глаза. И пошла перед ней вся ее жизнь...

Как же дожила ты, Маша, Мария, Мария Степановна, до подвала, где обитают лишь крысы да бездомные собаки?

СЕМЬДЕСЯТ ТРИ ГОДА ЖИЗНИ

отходила она по земле. Войну пережила, голод. Муж – герой-фронтовик. Шестеро детей вырастила, шестнадцать внуков и правнуков. И вот жизненный итог: никому она больше не нужна. Может, не так как-то жила? Может, к старости из ума выжила, блажит часто, кровь своим детям портит? Но ведь живой она еще человек, мать ведь она им всем...

И зазвучали в тишине подвальной тихие слова, что бормотали старческие губы. Это были изречения библейские, много веков назад оставленные Господом в назидание людям.

“Венец стариков – сыновья сыновей, а слава детей – родители их. Слушайся отца своего – он родил тебя, и не пренебрегай матерью своей, когда она и состарится... Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которые Господь твой дает тебе...”

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.

Утром Марию Степановну нашли добрые люди. Взяли к себе домой, вымыли, покормили. Благодаря усилиям главного врача городского поликлинического отделения Мария Степановна устроена в отделение сестринского ухода больницы №2, что в поселке Ярега.

Как-то сложится ее дальнейшая жизнь?

ЧЕРНАЯ БЫЛЬ СЕМЬИ ОКУЛОВСКИХ

...Когда-то он был настоящим здоровяком: рост, крутые плечи, недюжинная сила в крепких руках. И веселым был мужиком, всегда готовым посмеяться над забористой шуткой и острым словом. А уж на работу

жаден! Тугой пружиной распирала Алексея изнутри жизненная сила...

И женка его, Галинка, когда-то была резвой хохотушкой. Палец ей покажи – и залысится звонким

ручейком. Махонькая – по плечо мужу – шустрым челночком вилясь она рядом с ним по жизни, деля его судьбу.

А теперь сидят они напротив меня, усталые, погасшие и измотанные. И у обоих в глазах – будто навеки застывшее недоумение.

– Разве бывает так, – тихо спрашивает Галина Николаевна, – чтобы человека сначала на верную смерть посылать, а потом, как ненужную тряпку, выбрасывать? Он ведь живой еще...

– Я вот все думаю: за что они так меня? – Алексей настойчиво ловит мой взгляд, будто надеется найти там ответ на мучительные свои вопросы. – И хоть убей – не пойму...

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Родной городок Великий Устюг остался далеко позади на их жизненном пути. Школа, училище, армия – у Алексея. Школа, училище, подружки и радужные планы – у Галины. А там и любовь, свадьба, дети... Молодые, сильные, здоровые, уехали Окуловские из Устюга в Ухту. Семья требовала множество забот, а там, на Севере, родственники сулили хорошие заработки. Да и квартира для разросшейся семьи нужна: в отцовских “хоромах” не разживешься, к тому же младшие братья-сестры подрастали.

“Не горюй, Галинка, – обещал Алексей, – руки-ноги, голова на плечах есть – не пропадем. В лепешку расшибусь, за троих работать буду, но крышей вас всех обеспечу. Или не мужик я?”

И слово свое держал. Крепко верила ему Галина. Другое ее тревожило: вот устроился Алексей слесарем на завод керамзито-бетонных изделий, обещали ему через полгода общежитие на всю семью, через год – малосемейку, через два-три года – квартиру. Но вот уже три года промелькнуло, а ничегошеньки еще не дали. Погнала однажды мужа своего в заводоуправление в очередной раз узнать насчет жилья. А там обнаружилось, что заявления его на квартиру и нету. Потеряно, оказывается. Снова написал. Поставили его-таки на очередь, но... уже стопятидесятым по счету. Галина так и ахнула: это что же, три года ожидания и надежд коту под хвост?

“Да не должно так, – успокаивал ее растерянный Алексей, – ведь в конторе знают, с какого времени я работаю. Ну, потеряли заявление... Разберутся, вот увидишь”.

Но и разбираться не пришлось. Не до того стало. Обрушилось на страну страшное горе: Чернобыль. Отголосок его докатился и до семьи Окуловских, вовлек в свою орбиту. Опомниться не успел Алексей, как уже ехал вместе с другими ухтинцами на восстановительные работы по ликвидации аварии в самое пекло катастрофы, оставив дома жену с двумя детьми все еще без крыши над головой. Мужики в вагоне пили, шумели, спорили, обсуждали какие-то таинственные “бэры” и “радиации”, а он, Алексей, все еще мучился тем, что так и не сдержал слова, оставил семью чуть ли не на улице... А по прибытии на место и эти мысли оставили его. Вокруг была смерть. Даже не смерть, а пустота, безжизненность. Навсегда запомнился тихий зеленый городок над Припятью, над которым не летала ни одна птица...

Вот тут и предстояло Алексею Окуловскому и его землякам выполнять свой гражданский и воинский долг.

В ЧРЕВЕ ЧЕРНОБЫЛЯ

...Мертвые реакторы атомной машины. Еще совсем недавно несли они людям свет и тепло, а сегодня излучали беспощадную гибель для всего живого. И в самом их недре, в смертоносном чреве копошились простые смертные – люди в спецкостюмах, с респираторами на лицах. Повсюду, на всех блоках пугающе краснели кресты: знак особой опасности для жизни. Куда ни глянь – всюду кресты. Значит, опасность заражения радиацией практически везде.

Но кому-то нужно было остановить этот губительный поток излучения, и люди изо дня в день бетонировали, засыпали, заглушали чрево реактора. Забетонируют, утрамбуют, запеленают один участок, а придут утром, проверят – снова “фонит” с прежней силой. И опять за работу...

От тех времен осталась у Алексея маленькая записная книжка, в которую он, по совету “чернобыльских” врачей, записывал ежедневные свои походы в реактор и дозы полученного облучения.

А люди уже роптали. Спецкостюмы оказались ненадежными и переходили с одного человека на другого. Оденешь его с напарника-сменщика, обследуешь прибором, а он безбожно “фонит”. Но другого нет. Респираторы слабые, технически устарелые и практически бесполезные. Многие мужики быстро схватывали перебор радиации, заболели: их “ломало”, тошнило, рвало. Таких спешно увозили, а на смену им приезжали другие.

Здоровяку Алексею, который до тридцатилетнего возраста не болел ничем, кроме простуды, сначала везло. Но к концу срока работ и его стало “ломать”: мучительно ныли суставы, пошла перебои в сердце. Именно тогда, в далеком теперь 87-м году, Алексей впервые узнал, что такое сердечная боль...

Восемьдесят четыре опасных для здоровья и жизни дня провел Алексей Окуловский в самой сердцевине атомного реактора.

ДОМА

А Галина тем временем маялась в тревоге и неизвестности. Но слез в платочек зря не проливала. Мать и жена, она поняла, что пришла пора ей самой встать на защиту семьи, глава и кормилец которой неожиданно “выбыл из строя”. И с упорством, не присущим этой тихой, скромной женщине, она начала свои “хождения по мукам”, которые, благодаря помощи и ходатайству городского военкомата, закончились первой маленькой победой...

Когда Алексей вернулся домой, в тот закуток, где его семья ютилась в течение трех лет, там уже никого не было. Охваченный паникой, худой и заросший черной щетиной, он бросился к родственникам. И только там узнал, что Галина с детьми уже обживает свой новый “дом”: они получили две комнаты в общежитии на УРМЗ. Это было счастье...

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Эти годы напрочь стерли румянец со свежего лица Галины, рано состарив ее. Эти годы превратили “бугая” Алексея в хронически больного человека, потенциального инвалида. За эти годы стали взрослыми их дети.

Десять лет жизни прошли в калейдоскопической смене надежд и разочарований. В черед все новых и новых бумаг и бумажек, ходатайств и прошений, которые заканчивались обещаниями и очередными отказами.

– Теперь-то я знаю, каким дураком был все это время, – с горечью говорит Алексей. – Галинка уже давно была тревогу, а я все верил... Верил, что не должно быть такого обмана со стороны государства – ведь был Указ Президента, был закон о “чернобыльцах”. Верил руководству своего завода. А ведь еще тогда, почти сразу после Чернобыля, был случай, когда завод меня впрямую надул. Авария у нас однажды случилась, требовалось срочно ликвидировать ее последствия, иначе заводу грозила полная остановка. Ну, наш директор Пак созвал бригаду, попросил выложиться “кровь из носа”, но работу выполнить. Мы согласились. Завод заключил с нами договор, в котором, кроме обещанной оплаты, двум членам бригады – мне и Николаю Постникову – было гарантировано выделение благоустроенных квартир. Да за квартиру я готов был сутками пахать, землю зубами грызть! Чего там говорить, ломались мы на этом участке, как черти, но сделали работу в срок, подключили линию. А в ответ нам: ни денег, ни квартиры. Мы – “Как так?”. А нам – “Да вот так!” В общем, деньги нам потом все же заплатили, а вот договоры наши с печатями и подписями забрали, вроде как для сверки какой-то в бухгалтерии. Мы, дураки, и тут верили – отдали. Да только больше тех договоров и в глаза не видели. Нету, говорят, и не было никаких договоров. Ну что тут поделаешь, что докажешь? Ни в суд теперь, никуда. А сейчас уже и свидетелей нет. Коля Постников мог бы подтвердить, у него точно такой же договор на квартиру был, как у меня. Да только давно уже нет Коли... покончил он жизнь самоубийством, а через полгода после него и жена его померла.

– Да ты и сам-то еле жив! – всхлипнув, не выдержала Галина. – У меня уже просто сил нет смотреть на все это. Он же сам себя гробит на работе. Ему бы обследоваться полностью, серьезное лечение начать, а он все – нет, не могу. Работать, дескать, надо, иначе квартиру никогда не дадут...

– А как же? – Алексей спокойно и отрешенно смотрит на свои исхудалые, но все еще большие руки, – ведь если бы я все время больничный лист брал, тот же Пак сказал бы: зачем такой рабочий? Болееет все время, а ему еще квартиру давай? И не дал бы...

– А так дал, да?! – взвилась тихая Галина. – То, что ты десять лет мордуешь себя на работе, помогло? То, что льготы законные имеешь, помогло? А то, что болезнь проклятая тебя всего измучила, помогло?!

Молчит Алексей. Плачет Галина...

ЕДИНЫМ РОСЧЕРКОМ ПЕРА...

Я перебираю папку с подшивкой множества официальных бумаг – это итог долгой и упорной борьбы Регионального комитета по правам человека за семью Окуловских. Чего там только нет, в этой папке!

Обширная переписка ответственного секретаря комитета Эльзы Андреевны Скворцовой с генеральным директором АОЗТ “ЗКБИ” В.А. Паком, лейтмотивом которого является пинг-понговский пас типа “Дайте!” – “Не дам!”. Ее же запросы и ходатайства главе городской администрации Б.А. Колесникову, Главе республики Ю.А. Спиридонову, председателю правительства России В.С. Черномырдину, министру “Минархстройэнерго” РК В.С. Бибикову...

А смысл всех официальных ответов один на все случаи жизни: “Нет возможности”. Нет возможности признать Окуловского пострадавшим от работы в

Чернобыле. Нет возможности выделить ему квартиры, потому что... И так далее.

А потом наступил черед самых черных дней в семье Окуловских. В июне 1996 года их стали выселять из общежития, принадлежащего УПТОиКу “Ухтанефтегазгеология”, т.к. администрация “ЗКБИ” отказалась продлевать договор об оплате за проживание Окуловских. Из двух общежитских комнат, в которых родители и двое взрослых детей за эти годы кое-как уже приноровились размещаться, их стали “прогонять” в общежитие на Дежнево, предоставив для всей семьи теперь уже одну-единственную комнату. Грозная фраза в письменном уведомлении “...В противном случае выселение будет производиться в принудительном порядке за ваш счет и с начислением штрафа...” надолго повергла всю пострадавшую семью в состояние шока.

Окуловские обратились за помощью в Управление по социальным вопросам г. Ухты, которое встало на их защиту и ходатайствовало перед администрацией “ЗКБИ” о предоставлении возможности проживания семьи в прежнем общежитии до получения ею благоустроенной квартиры. Но и это прошение было в очередной раз украшено коротким росчерком директорского пера: “Отказать!”.

И только вмешательство городского комитета по правам человека на время остановило этот беспредел.

Но и терпение руководства “ЗКБИ”, видно, тоже иссякло, потому что в начале нынешнего года семье Окуловских наконец-то было предложено... купить у завода квартиру. Купить! Это стало еще одним шоком для семьи. Как им возможно что-либо “купить”, а тем более квартиру, если все чада и домочадцы живут практически на зарплату прачки, жены и матери – в 350 рублей? А глава и кормилец семьи, рвущий последние жилы на производстве, уже четыре года не получает зарплаты... На какие же средства им покупать квартиру у родного завода, акционером которого к тому же является рабочий Окуловский?

Первый взнос им был положен в размере десяти миллионов. Не чуя под собою ног, Галина обежала всех родственников, знакомых, и, сообщая, наскребли пять миллионов (старых денег). Но на заводе не приняли: мало. Галина – в слезы. Не помогло. Видно, не только Москва слезам не верит...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

...Они сидят напротив меня и ждут. Ждут, что, быть может, хоть я дам им ответ на мучительный их вопрос: “За что?”. А я прячу взгляд, говорю, что надо добиваться, что нельзя опускать рук, что нужно верить. Но глаза отвожу в сторону. И не потому что обманываю их и сама не верю в свои слова. Нет, я-то как раз убеждена, что только упорством, верой и надеждой можно сегодня чего-то достичь в жизни. Но сейчас мне просто невыносимо смотреть в глаза этих простодушных, измученных, обманутых людей. Невыносимо...

Рано или поздно, но у них, конечно, будет квартира, и дети их продолжат в ней жить. Но уже ничто на свете не сотрет из глаз Алексея и Галины этого тяжкого недоумения: “Разве так бывает?”. И ничто на свете уже не смягчит обиды, горечи и боли сотен “чернобыльцев”, молча и забыто угасающих и умирающих в городах и весях нашей необъятной России. “Чернобыльцев”, до которых никому теперь нет дела.

– Лучше бы Леша убежал тогда... – шепчет Галина, машинально поглаживая ладонь мужа. – Ну, посадили бы его, как других, на два года. Ну, отсидел бы

положенное. Зато вернулся бы домой здоровым. А теперь что? Обманули нас. Со всех сторон – обманули...

ОДИНОКИЕ ОТЦЫ.

Никто не станет оспаривать вековечную истину: материнство, материнская любовь, материнская нежность – это истоки доброты, подвигов и вдохновения. Самой жизни человеческой. Но давно известно, что жизнь – не безоблачное небо... И уродливые случаи судьбы зачастую порождают в мире совсем иные, противоположные формы...

МАМЫ-КУКУШКИ.

Говорить об этом – дело тяжкое и неблагоприятное. Да, у каждой из таких мам есть свои на то причины, но какими объяснениями можно оправдать материнское сердце, ожесточенное и выхолощенное до такой степени, чтобы от ребенка своего отказаться? Уходят, улетают, уезжают, исчезают из дома мамы, оставляя после себя сиротство, печаль и стылость...

Семья К. Троих детей оставила мама отцу. Завела новую семью. Сначала навещала тех, брошенных, затем утомилась жить на два дома и больше уже не появлялась на пороге прежней жизни. Так и живут покинутые отец и дети – замкнутые, бесприютные, с горькой обидой в сердце...

Семья Б. Две девочки-погодки, хоть и прошло уже немало лет, до сих пор не могут понять, почему от них ушла мама. Папа не обижает, заботится, как умеет, но он частенько попивает. Как выпьет, так плачет... Девочки жалеют его, но так пусто в доме и в сердце без мамы...

Семья М. Однажды пьяная мама чуть не выбросила из окна одного из своих детей, за что и была отправлена “по этапу”. Отец работает вахтовым методом, поэтому двое его ребятишек живут в интернате. Возвращаясь домой, он забирает детей к себе – и как же они всегда радуются ему! А мама, отряхнув с ног “тюремный прах”, подалась на жительство в рязанские края...

Семья Н. Троих детей и мужа оставила мама “в миру”, посвятив себя религии – ушла в “Белое братство”. И никто с тех пор не знает, где и как служит она своему богу.

СИРОТСТВО ПОНЕВОЛЕ.

Но далеко не всегда покидают мамы своих детей и мужей по собственной воле. Умирает мама – и будто останавливается в доме жизнь, как часы, которые некому завести. Это еще одна безжалостная сторона жизни – смерть родного человека. Плачут и замыкаются в себе дети. На глазах стареет отец. Бывает, начинает пить горькую...

Семья Г. Потеряв мать и жену, остались в доме двое “мужиков” – отец и семилетний сынишка. Старший запил, а малый всякий раз терпеливо и упрямо ухаживает за ним, не говоря ни слова упрека...

Семья И. В результате автомобильного наезда погибла мама. Отец постоянно в разъездах – работа такая. Дочка-подросток самостоятельно ведет домашнее хозяйство. На все уговоры работников социальной службы в его отсутствие пожить в интернате отвечает категорическим отказом: дома хоть и одиноко, но

лучше, а с фотографии на стене постоянно следят за дочерью мамины глаза...

Семья Ш. Погибла мама. Отец с двумя дочерьми живет один. Он, интеллигентный, эрудированный, всю душу вкладывает в воспитание дочерей, но отец – мужчина, а девочкам так нужна мать...

ОТЦЫ В ОПУСТЕВШИХ ГНЕЗДАХ.

Кто восхвалит вас за ваш мужской подвиг? Кто сложит о вас песни и стихи, которые в изобилии посвящаются матерям? Какими вы живете в лютом своем одиночестве, изо дня в день, из года в год глядя на обесздоленных своих детей и пытаясь сделать для них все возможное?

А возможностей-то, как правило, у вас маловато: вы и сами в большинстве своем неумелы и неуклюжи в быту. Суп сварить да детскую одежку кое-как простирнуть – это еще вы осиливаете. А вот как вырастит – воспитать своих девочек-мальчиков, как жизни их научить, особенно сегодня, когда и для взрослых-то она смутна, горька и непонятна? Вы и сами-то для жен своих были как большие дети, и за вами глаз да глаз женский нужен: накормить, обиходить, приласкать, утешить. Хорошо, если рядом есть мамы-бабушки, сестры-тетки, а если нет никого?

Сильным духом – легче. Внутренняя сила позволяет быстрее одолеть душевную боль, заставляет и дальше жить, какая бы беда ни настигла человека на его жизненном пути.

А тем, кто послабее нутром, – как? И работы нет, и зарплаты нет, и дома пусто, и дети запущены, вечно голодные, от рук совсем отбиваются. Тоска неизбывная грызет день-деньской, которую ни в запое не утолить, ни в хлопотах-заботах...

“НЕ МОГУ СМОТРЕТЬ ИМ В ГЛАЗА...”

сказала заведующая отделением профилактики и социальной реабилитации Ухтинского центра помощи семье и детям Марина Петровна Перлина, – столько в них неприятности и пустоты! Особенно болит душа за пьющих пап. И жалко их чисто по-женски и зло разбирает. Мы часто навещаем такие семьи, помогаем, чем можем, но и на “вливания” за пьянство не скупимся. Ругаем, увещеваем, а у самих сердце переворачивается: ведь мужики как мужики, нормальные, здоровые, а как сгибает их одиночество это проклятое! И детей своих им жалко, и с собой ничего поделаться не могут: топят горе в вине, живут как за кормой жизни, ни себе, ни другим не нужны. Ведь в одном только нашем городе более шестидесяти отцов-одиночек, и бедуют они каждый в своих стенах. Я считаю, что это уже стало общегородской проблемой, а ведь в “однокрылых” этих семьях растут дети, не получая ни достаточной любви, ни тепла полноценного, ни заботы необходимой. А какими они вырастают в этой среде – нам всем хорошо известно. Так хочется им всем помочь, но как, чем?

ЧТОБЫ ОТСТУПИЛО ОДИНОЧЕСТВО...

Из какой-то телепередачи (жаль, что не смотрела ее с самого начала) я узнала, что живет где-то человек, которому недавно присвоено звание “Отец-герой”. Звучит странно и непривычно, правда?

Он один растит пятерых детей, выкладываясь при этом полностью. Мало того, он объединил таких же одиноких отцов своего города в своеобразный клуб. Там они собираются, общаются, решают свои общие проблемы. Там они приходят на помощь друг другу, поддерживая тех, кто оступился, отчаялся, опустил руки. Там они по-братски радуются за того, в чей дом наконец-то вошла новая жена, заботливая хозяйка, добрая мать для осиротевших детей.

Именно про таких женщин сказал писатель А. Лиханов: “О, женщины, исполнившие чужой долг, – да будут благословенны ваши имена! Женщины, не родившие, но согрешившие, воспитавшие одинокого ребенка, – да славится ваше тепло, ваша нежность и забота о малыше, созданном другой! Да будет всегда полной чаша вашего материнства!”

ПОДУМАТЬ ВСЕМ МИРОМ.

Приступая со смятенным сердцем к тяжелой этой теме, я долго думала о том, какую интонацию взять в разговоре, чтобы “дошло” до всех, насколько важен

такой аспект человеческой жизни как проблема одиноких отцов.

Не знаю, удалось ли мне это, но вот к чему снова и снова возвращается моя мысль: как произошло, что с течением времени, с изменением жизненных обстоятельств мы привыкаем к чужим бедам? Мы научились отгораживаться от них непроницаемой сердечной броней, оправдывая себя тем, что нам и без того “своих” проблем хватает. А ведь было, было время, когда всем миром кидались спасать одинокую вдову или запившего бобыля, или осиротевшего ребенка. Что, разве в те времена людям легче жилось и не было у них “своих” бед? Что же стало с этим самым миром, который теперь так безразлично и отстраненно смотрит на страдания “ближнего своего”?

И стареют на глазах, мрачнеют, уходят в себя, зачастую спиваются и не знают, как им жить дальше, мужчины – одинокие отцы. Помните детскую песенку: “Папа может все, что угодно, только мамой не может быть...” Но вот приходится ему быть и мамой. Такой вот жизненный парадокс.

Вплотную подошла пора, когда надо подумать об этих отцах и их детях. Всем миром подумать.

Давайте сделаем это.

ЖИЗНЬ МОЯ... ИЛЬ ТЫ ПРИСНИЛАСЬ МНЕ?

...Теперь она часто подходит к окну и подолгу глядит сквозь морозную вязь на стекле на застывший, оледенелый мир за ним. И кажется ей, что в этом мире повсюду пусто и холодно, будто все вымерло. Оглянется через плечо: крохотная комнатка в стадии затяжного ремонта вся завалена вещами, узлами, тюками...

И вот здесь придется доживать всю оставшуюся жизнь?

А ВЕДЬ ТАК ХОРОШО БЫЛО ЖИТЬ

когда-то! Когда они с мужем были молоды, здоровы, полны сил и желания “перевернуть” весь мир. Тем более, что была и точка опоры: оба влюбленные в геофизику, они годами пропадали в недрах тайги, работая истово и азартно, занимались научными разработками и верили, что делают громадное для страны дело.

Имели много друзей, жили полно и интересно, растили дочку. Плавали по бурным рекам на байдарках, распевали песни у костров, весело тянули “воз” общественных нагузок. И мечтали о грядущей жизни, которая будет еще лучше, еще интереснее. Им всегда до всего было дело.

ВЕЛИКАЯ РАЗРУХА.

Но вместо ожидаемого “светлого” будущего история вдруг повернулась вспять. Пошел обратный процесс, который, к потрясению большинства людей того поколения, будто перевернул с ног на голову все то, чем они жили прежде. В стране началась Великая Разруха, именуемая перестройкой.

Не миновала она и геофизику, которая сдавалась сначала медленно и неохотно, но вскоре была вынуждена отступить. Никому до поры не известные “рыночные отношения” быстро возвели геофизику в статус “убыточных”, иссякли финансы и большинство

работников этой сферы встали в очередь на биржу труда.

Семью Игнатовых тоже не миновала “чаша сия”. К тому времени оба супруга уже были предпенсионного возраста, поэтому судьба их на родном предприятии была уже как бы заранее предрешена, ведь и молодым – то деваться было некуда, не то, что “старикам”.

Вера Степановна и Сергей Ильич долго не могли смириться с тем, что любимая их геофизика, которой они отдали большую часть прожитой жизни, оказалась ненужной стране. И свою “отставку” тоже долго не могли принять ни сердцем, ни умом.

Однако реальная жизнь все же заставила их сделать это: принять и смириться.

БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ...

Серьезный и деятельный Сергей Ильич внимательно изучал сложившуюся обстановку в городе.

– Не переживай ты так, мать, – утешал он расстроенную вконец жену, – руки-ноги есть, голова на плечах есть, что же мы, на кусок хлеба не заработаем, что ли?

Но недели складывались в месяцы, быстро “проедались” семейные запасы, а работы для Игнатовых все не находилось. Кому могли понадобиться в городе “узкие” специалисты-геологи?

И тогда Сергей Ильич вместе с несколькими такими же отставниками-друзьями решили попробовать себя в том, чем занималась львиная часть населения города – в коммерции. Зарегистрировали маленькое посредническое предприятие, занимающееся поставкой электрокабелей, и энергично принялись за дело.

Сначала Вера Степановна радовалась, глядя как ожил ее супруг, с каким воодушевлением изучал он новую свою деятельность – он снова был у дел, и это давало ему ощущение, что он вновь приносит пользу

своей семье, городу, а значит, и стране. Что поделаешь, привык человек за свою жизнь обязательно приносить пользу...

Но вот и полгода прошло, а новые дела все не шли, не складывались так, как думалось и планировалось. И Вера Степановна уже с тревогой наблюдала, как все больше нервничал ее муж, как изводил себя бесчисленными расчетами, встречами, телефонными переговорами.

БЕДА.

...Они стояли на пороге – плечистые, коротко стриженные, с крутыми бицепсами и холодными глазами. Вера Степановна, выглядывая из-за плеча мужа, не могла понять, отчего вдруг так побледнел Сергей Ильич, торопливо закрыл дверь в прихожую, выпроводив ее на кухню.

А позже вошел туда, к ней, рухнул на табурет, обхватил голову руками:

– Все, Верочка. Теперь – конец...

Никогда не забыть ей того ужасного вечера, когда она узнала, что ее Сергей, чтобы срочно выкупить партию кабеля, одолжил у знакомых крупную сумму денег. Закупил на эти деньги кабель и передал его в фирму, которая должна была расплатиться с ним в самый короткий срок. Но прошло уже много времени, а за кабель ему так и не заплатили. Кредиторы же все настойчивее требовали возврата долга. В конце концов у них лопнуло терпение, и они наняли “бандитов”. Молодые крутолобые вышибалы только что очень серьезно и по-деловому объяснили, что Игнатовым надлежит сделать: выписаться из своей трехкомнатной квартиры и передать им все права на нее.

КРАХ.

Это был удар, подкосивший обоих пожилых людей. Вера Степановна слегла. Сергей Ильич пытался, было, что-нибудь предпринять. Собрал своих друзей-партнеров, но те, пряча глаза, ничем не могли ему помочь, хотя решение о займе денег они принимали все вместе.

Прибежали дочь с зятем, требовали, чтобы отец немедленно обратился в милицию, в прокуратуру, но когда тот выдал из себя, что “бандиты” в самом начале посоветовали ему “не дергаться” и не забывать про “дочку с внучкой” – примолкли, озадаченные и напуганные.

Наверное, еще можно было бы что-то придумать, искать где-то защиты и помощи. Но Игнатовы панически испугались за своих родных. Знали, что “бандиты” ни перед чем не остановятся, а дочь и внучка – это единственно дорогое, что у них еще оставалось в жизни.

Срок старикам был дан кратчайший – три дня. И когда вышибалы вновь пришли, Сергей Ильич молча протянул им паспорта: Игнатовы из квартиры выписались. А взамен ему были переданы документы, уже оформленные соответствующим образом, Игнатовым осталось лишь подписать их, что они и сделали безропотно. Так они отдали свою трехкомнатную квартиру в счет долга, который по сумме был вдвое меньше, чем ее стоимость. Уж лучше бы они продали ее сами и расплатились с долгом, но у них осталось бы еще достаточно денег, чтобы приобрести для себя хотя бы малосемейку. Но такой возможности им не дали...

“Бандиты” вынесли из квартиры еще и все наиболее ценные вещи, которые пожилые люди успели нажить за свою долгую жизнь. А то, что осталось из “хлама”, велели убрать к вечеру.

“ПРОСТИТЕ МЕНЯ, ДЕТИ...”

...Вера Степановна вновь оглядела жалкое жилище, где они с мужем нашли пристанище. Здесь живут дочь, зять и маленькая внучка. Теперь вот еще и родители, совершенно убитые горем. Зять недавно затеял ремонт, хотел хоть немного расширить крохотную однокомнатную квартирку: дочка-то растет не по дням, а по часам. Вот и расширил, называется...

Теперь вся комната заставлена остатками родительской мебели, вещами, и все это – вперемешку со стремянками, ведрами с известью, битым кирпичом.

А углу комнаты на раскладушке лежит Сергей Ильич. Он осунулся, почернел лицом, оброс клочкастой бородой. Переехав сюда, к дочери, он обвел семью погасшим взглядом и сказал: “Простите меня, дети, если сможете. И ты, Вера, прости...”

Лег и с тех пор больше не вставал. Лежал с закрытыми глазами, а о чем думал – неизвестно.

Вера Степановна, отгоревав и отрыдав, бегаёт сейчас по городу в поисках работы. Но пока безрезультатно: кому нужна пожилая больная женщина?

Вся семья живет на редкую зарплату зятя.

ЭПИЛОГ.

...Вера Степановна вытирает слезы, подходит к мужу, садится рядом с ним и тихонько гладит его безответную руку. Она долго смотрит на него и будто видит перед собой ярко пылающий костер, купол звездного неба над ним, веселых бородатых друзей-геологов, с аппетитом хлебающих уху из огромного котла и подпевающих молодому Сережке Игнатову, склонившемуся над гитарой:

“Я верю, друзья, караваны ракет
Промчат нас вперед от звезды до звезды,
На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы!”

РАНДЕВУ ПОД ЗВЕЗДНЫМ НЕБОМ,

или Ночное интервью сторожа Гаврилыча “за жизнь”

Мой экскурс в ночную жизнь города продолжается. На этот раз объектом внимания стали люди, охраняющие вверенные им “материальные ценности и объекты”. Попросту говоря, ночные сторожа.

– Х-хе-хе!.. – дробно рассыпает смехок сторож Гаврилыч. – Про меня, что ли, хочешь в газету

написать? И ради какой корявы я ей понадобился? Ничего геройского я еще покамест не совершал.

Небольшого росточка, хиловатый на вид Гаврилыч, уютно обмотанный толстым шарфом, прихлебывает чай из жестяной кружки. Такая же кружка с обжигающим напитком любезно предложена и мне.

Гаврилыч рассказывает, а я – слушаю. Удивительно занятный рассказчик этот дед. “Войну воевал” в 41-м Гвардейском стрелковом полку. Чуток до германской столицы не дочапал, получил ранение в бедро. “Пониже задницы, е-мое”. Вернулся домой – и стал жить. Двоих “короедов” родили и вырастили с супругой Валентиной Тимофеевной. Он – слесарил в гараже, она – кухарила в школьных столовках.

– Мастерица была на ши! – вздыхает Гаврилыч и неожиданно осеняет себя размашистым крестом. – Царствие ей, конечно, небесное. Померла моя Тимофеевна пять годков назад. С тех пор вдовствую. И в сторожах с тех пор. Скушно стало в доме без хозяйки, да и голодно, е-мое. Детям помогать надо? Надо. Внуки, опять же. Сыну зарплату не платят, невестке – тоже. Хорошо, дочка Тамарка за мужней спиной королевой живет, а то бы и ей отстегивать пришлось. А так – я у зятя сторожую. Он у нас... ого! Не скажу, что мафия, врать не буду, но круто-о-й. Вишь, базы какие? Там везде сигнализация. А я здесь – контору берегу. Опять же – бумаги всякие секретные, телефонны-ксероксы. А ты думала! Все это хороших денег стоит...

– А чего же такой крутой зять сыну вашему не поможет? – спрашиваю я. – У него денег много, а у вас...

– А у них эти... идейные разногласия, – смеется Гаврилыч и закуривает беломорину. – Сын-то мой электриком мантулит, но – честный. И зятя не признает. А зять от таких честных и вовсе рыло воротит. Хорошо, хоть меня на службу взял, Тамарка упростила.

После чаепития Гаврилыч ведет меня по вполне приличному офису, все показывает, объясняет со знанием дела.

– Вишь, богачество какое караулю, – хвастается он. – А чего ж – доверено. А раз доверено – с места не сойду, но уберегу. Где-то с полгода тому нагрязнули как-то воры... Ну, воры не воры, а пацаны лет эдак по шестнадцать. Эти-то самые страхолюдные и есть, потому как ни Бога, ни черта не боятся. На окнах-то решетки, видишь? Так они по ним – палками, железками всякими. И вопят дурным голосом. Я, конечно, струхнул малость. Сей же момент милицию позвал. А сам встал за дверь, наган газовый достал и ору таким же макаром: “А ну, сучьи дети, разойдись! Стрелять буду!” Так ведь, все одно не разбежались, поганцы, пока милиция не поспела.

– А не страшно, Гаврилыч, ночами-то работать? Ночи теперь беспокойные, народ злой...

– Это ты в точку. Здесь, у зятя, мне не так боязно: двери с запорами, окна с прутьями, телефоны имеются. Наган, опять же, разрешенный. А до этого я в разных сторожах был. Склады, к примеру, на заводе караулил. Так там срам один: кругом дыры-прорехи, никакого учета, и сами же работники свое плевое добро норовят уволочь: инструмент какой, спецовки, кабели... Однажды кладовщик на меня хотел свалить, ан не

вышло. Вступились за меня люди, которые знают, что Гаврилыч до чужого не охоч, не дали в обиду. Но я в рожу его пропитую плюнул – и ушел. Еще сторожевал в детском садике, но тоже недолго. Туда, понимаешь, е-мое, как ночь, так пьяные ребята с девками повадились. Налижуются зелья аль какой гадости надышатся – и давай постройки детские ломать, в окна стучаться, в двери. Я раз вышел, хотел их шугануть, так по кумполу схлопотал. Доской звезданули. Хорошо, не упал, а то бы затоптали. Обрато нырнул, и милицию кликнул. Кровищи из головы было!

Долго мы разговаривали с Гаврилычем. О том, что раньше на Руси “запоров на дверях не знали” – не от кого было запираяться. А теперь такая жизнь пошла: друг от друга прятаться надо. Что “завсегда человек человеку был брат, а теперь, выходит, что волк”. О том, что порядка в стране не стало, а “где нет законного порядку, нет и покою добром человеку”.

– Милицию вот жалко, – вздыхает Гаврилыч, – ругают все ее, и такие они и сякие, а нет того, чтобы вникнуть. Ведь сегодня одна только милиция и бьется за этот порядок – больше некому. А в благодарность им – лишь дурное слово до косой взгляд. А без милиции мы, сторожа малосольные, чего сделаем? А то вон и бабы в караульщиках стоят. Чего они, дуры, накараулят? Чаю напьются, да спать завалются. А случись чего, в обморок хлопнутся аль слезьми дурными исходят... Тоже мне, сторожа! Но с другого окна поглядеть – опять же, не от хорошей жизни баба в ночной караул идет. У одной муж – пьянь, работы нету, а детей кормить? Другая – вдовая, пенсия с гулькин нос, внуки на ней. Куды им, бедолагам? Хотя и сторожам-то нынче не больно платят. Хорошо, зять мой в крутых ходит – триста тысяч отваливает мне, и слава Богу.

Время близится к полуночи, и мы прощаемся. Гаврилыч сует свой “ядовитый” наган в карман ватника и выходит меня провожать.

Недавние лютые морозы отступили. и воздух сейчас приятно мягок и свеж. Гаврилыч зорко осматривается вокруг.

– Ты по светлой стороне шуруй, – озабоченно говорит он, – нынче шпаны в городе, как снега. Эк, работенка у тебя – шатаешься по ночам. А ведь баба. Тоже, видать, не от сладкой жизни? Ох, не знаю, чего с ней и делать, с жизнью этой! В войну и то легче было. Там, за окопом, – враг, а здесь – все свои, все однополчане. Плечом друг к дружке стоишь, и ничего не страшно. А нынче и не разберешь: где свой, где чужой... Эхма, люди-человеки!

Помолчал и добавил:

– Но жить-то надо, верно? Сама жизнь ни в чем не виноватая. Это уж мы, человеки, наворотили делов. Нам и расхлебывать. Расхлебаем, дай срок. Так в своей газете и скажи...

СОБАКА БЫВАЕТ КУСАЧЕЙ... ТОЛЬКО ОТ ЖИЗНИ СОБАЧЕЙ

В течение нескольких недель двое мужчин методично и целенаправленно расстреливали собак, приблудившихся к детскому саду, что на улице Кремса.

Расстрел производился то рано утром, то днем, то вечером. Прямо на глазах у детей...

Обступив меня, взволнованные женщины наперебой рассказывали об этом.

– Мы позвали вас сюда, – сказала одна из них, та, что казалась более спокойной и выдержанной, – чтобы вы на страницах газеты рассказали о том злодействе, что творится людьми среди бела дня при детях. Вот вы открыли целую дискуссию на “собачью” тему – о том, как их, бродячих, кусачих, злючих, надо уничтожать. Дескать, весь город от них стонет. А мы хотим защитить собак от злючих людей! И если не спасти, то хоть избавить их от мучительной смерти. И дети... Вы хоть представляете себе это?

Я представила.

ЖУЛЬКА

Небольшая рыжая собачонка с беременным круглым животиком робко жалась к ногам своей хозяйки, виновато поглядывая на нее. Она не понимала, почему та сердится. А хозяйка, отпихивая ее ногой, негодующе жаловалась соседке:

– Ну, вот что теперь делать? Набегала себе все-таки, скотина такая! Мне еще только со щенками возиться осталось. Нет уж, никаких щенков! И эту шалаву за дверь выкину.

– Ну-у-у, – жалостливо протянула соседка, – зачем же за дверь? Чем она виновата? Природа... А вы бы не пускали ее в период течки одну на улицу, гуляли бы с ней на поводке. Всего-то дней десять попрдержат – и все пройдет. У них ведь течка раз в восемь месяцев...

– Да, конечно, мне больше нечего делать, кроме как за ее “критическими” днями следить! – брезгливо скривилась хозяйка. – У меня каждый день дел сверх крыши. И вообще, терпеть я не могу всех этих собачьих проблем.

– А зачем тогда брали Жульку?

– Дура была, вот и взяла. Нет уж, хватит. Надо с этим кончать.

И Жульку выгнали. Сначала она не поверила в это. Возвращаясь с очередной прогулки, долго скреблась в дверь лапкой. Вышла хозяйка – и веником ее, веником... Пришлось переночевать в подъезде. Утром Жулька снова сунулась было домой – ей никто не открыл. Погуляв по улицам, к вечеру Жулька сделала еще одну “попытку” и была изгнана вон с криками и пинками. Поплавав в подъезде с горестным тоненьким подвыванием, Жулька ушла. Совсем. Больше у нее не была дома.

С тех пор для нее началась совсем другая жизнь. Обосновавшись под верандой детского сада в двух шагах от прежнего своего жилища, она стала ждать своих первых щенков. В еде недостатка не было – у дверей кухни детсада всегда стояла кастрюлька с отбросами. Да еще приходили какие-то женщины с тихими добрыми голосами и приносили кулечки с пищей. Жулька аккуратно все съедала и из благодарности провожала их до подъездов их домов.

Осенью трое крохотных детенышей появились на свет. Молодая мама бережно облизывала их, согревала своим телом и гордилась ими несказанно... Спустя два месяца игривые толстенькие жулькины щенки куда-то исчезли – детсадовская детвора разобрала их, что ли?

Следующей весной Жулька вторично стала мамой. Трое таких же малышей мирно сопели под ее теплым мохнатым животом. Она редко оставляла их одних под верандой – они мерзли на талом снегу. Выбегая к заветной кастрюльке подкрепиться, Жулька несколько раз издали видела свою бывшую хозяйку, но всякий раз уходила, поджав хвост, – слишком велика была обида...

А та, в свою очередь, издали поглядывала на собаку, наливалась возмущением: эта дрянь всем своим сиротским видом являла собой живой укор. Вон соседки из ближних домов до сих пор продолжают “перемывать её косточки”, дескать, надо же, собаку из дома выгнала! Скажите, какое преступление! Надо выманить псину отсюда и избавиться от неё...

Больше Жульку никто никогда не видел.

МАЛЫШ

А под верандой остались её дети. Их беспомощный голодный писк выводил из себя медсестру детского сада. Пора с этим кончать, решила она. К тому же, здесь дети, а как же санитарная гигиена? Нет, её прямой долг избавить детей от разносчиков заразы. И медработник с помощью своих медицинских знаний подмешала отраву в еду и накормила ею осиротевших щенков.

Вечером сторожиха детского сада, делая обход территории, услышала слабые стоны из-под веранды. Заглянула туда. И увидела трупки двух щенков. Третий, полувмерзший в мартовский лед, был едва жив. Сердце пожилой женщины не выдержало: горячей водой она “оттаяла” живучего песика из льда, отогрела и выходила его. Славный такой малыш оказался, ласковый, веселый. Взяла бы его к себе домой, да там свои два “друга” живут. А этот здесь родился, и дети к нему привыкли, играют с ним. Пусть живет малыш.

Так Малыш и остался жить при детсаде, который стал его родным домом, а детвора – его маленькими хозяевами.

ЧЕРНЫШ И БЕЛКА

Они тоже когда-то имели свои дома и своих хозяев – здесь же, во дворе на Кремса. Черныш обожал свою хозяйку – всюду сопровождал ее. Уйдет она на работу в магазин – он за ней. Такой настырный – не выгнать из-под прилавка. Намучалась она с ним. Однажды его “застукали” сотрудники санитарной службы. Большой был скандал в магазине. Раздосадованная хозяйка крепко побила Черныша шваброй: чтоб забыл сюда дорогу. Он убежал с воем и визгом. И больше не вернулся – ни в магазин, ни домой. Увидев его у детского сада, хозяйка попыталась было затащить Черныша в дом, но он большой, рослый, сильный, вырвался и зарычал на нее. Не простил, значит...

А Белка – маленькая, вертлявая и игривая, как прибилась к двум своим приятелям – Малышу и Чернышу – так и осталась с ними в детском саду.

Так их стало трое.

ДЕТИ

Наверное, нет на свете детей, которые не любили бы собак. И если бы кого-то из них не напугали однажды, не куснули хоть раз – дети всегда были бы влюблены в них. Но многие – неосознанно, из бездумной детской жестокости – способны довести даже добродушное животное до остервенения. Этим троих “бродяг-квартирантов” доводили тоже. Женщины из соседних дворов, знавшие их печальные истории и приходившие прикармливать Малыша, Черныша и Белку, не раз выговаривали детворе, чтобы та не дразнила собак, не швыряла в них палками и камнями. “Разве вам не жалко их? – слышала детвора, – им негде жить, они попросили у вас приюта, мы их кормим. Играйте с ними, но не злите – зачем?”

Многие соглашались, понимали, но иные, особенно пацаны, продолжали донимать.

Первым не выдержал самый независимый и самолюбивый ” Черныш. Всю зиму он терпел,

уворачивался от камней и палок, убегал от орущей, визжащей толпы детей. А весной в него словно бес вселился. Он стал облаивать всех, кого увидит, – детей, взрослых. К нему присоединились и Малыш с Белкой – на территории детсада стоял теперь сплошной ор.

Более того, обзленный на весь белый свет, Черныш стал кусаться. Кусал за ноги всех подряд – кроме тех трех женщин, что приходили кормить его и двух его друзей. К ним он по-прежнему ластился, лизал им руку, встречал и провожал. Всех остальных облаивал и кусал. Он уже становился опасным.

ВЗРОСЛЫЕ

Первые выстрелы раздались со стороны детского сада с месяц назад. Встревоженные кормилицы собак прибежали туда. И выяснилось: Черныш недавно укусил за ногу одного из пап-родителей, затем сынишку другого. И мужчины решили избавить детей от всех трех собак.

С тех пор и работники детсада, и дети, и жители соседних домов находятся в состоянии, близком к панике. Стрельба продолжается чуть ли не ежедневно. Стреляли, говорят, из “воздушки”. Целый месяц шла охота.

...Белке прострелили сначала морду, затем шею. Окровавленная, она забилась под веранду под оглушительный лай своих “собратьев” и рев детей, наблюдавших эту сцену. Отлежавшись там несколько дней, рискнула выйти и тут же получила пулю в бок. Убежала с воем...

Чернышу досталось больше всех. В течение трех недель в него летели пули, едва только он покажется. Женщины-кормилицы отправились делегатками к прежней его хозяйке, принесли ей ошейник, поводок и сказали: “Уведи ты его отсюда, ради Бога! На нем уже живого места нет. Ведь добьют!..”

Хозяйка согласилась – она жалела своего гордого и строптивого Черныша. Но не успела. К вечеру он сам приполз к ее двери – весь в крови, с прострелянными

ногами. Но, отлежавшись, опять ушел. Где он теперь – неизвестно.

Оставался последний – Малыш. Те же сердобольные делегатки отправились к одному из “стрелков” – просить не убивать их питомца. “Он же родился в детсаду, считает его своим домом, два года живет там. Он ласковый, добрый, вырос среди детей, ни разу никого не кусал. Его все любят. Не трогайте Малыша. Мы что-нибудь придумаем, пристроим его куда-нибудь...”

Тот, недовольно ворча и проклиная всех собак на свете, обещал пощадить эту “дрянь подзаборную”, добавив, что “она, скорее всего, вскоре сама подойдет...” Малыш к тому времени уже получил несколько ранений и отлеживался под верандой.

А недавно на территории детсада вновь зазвучали выстрелы. Подхватившись, женщины заспешили туда.

...Малыш истекал кровью. Обступив его, плакали и кричали дети. Побледневшая воспитательница объяснила, что в Малыша стреляли двое подростков. Прикатили на велосипедах, высмотрели в кустах рыжего пса, зализывающего раны, достали ружье – и давай палить...

Общими усилиями взрослые и дети затолкали Малыша под веранду. В его дом. Туда, где он родился и вырос. Умирать?

– Нет, что вы!

– В прошлый раз мы его выходили – перевязывали, лекарства давали – и сейчас вылечим. Что же делать, живая ведь душа. С самого рождения он от людей страдает – а чем он виноватый?

– Если не добьют Малыша, я его к себе заберу, – вдруг заговорила молчаливая до сих пор женщина, – не насовсем, правда, у меня своя животина есть, да и квартира однокомнатная. – Но вымою, расчешу подкормлю. А потом, глядишь, и пристроим куда...

Женщины загалдели. Я присела на корточки и заглянула под веранду. Из влажной темноты донеслось тихое поскуливание...

СУДЬБА МОЯ КОМИ...

1946-й, послевоенный год. Поздним вечером в коми деревню в командировку на весенний сев приехала молоденькая заведующая сектором обкома комсомола Аня Канева. В поисках нужной ей работницы-трактористки она отправилась на пашню. С края пахоты увидела одинокий трактор, а под кустиком – усталую до изнеможения трактористку. Та спала. Постояла возле нее в задумчивости, обошла вокруг трактора. Земля ждала... Аня села в кабину, пропахшую мазутом и керосином, руки привычно тронули рычаги. Уроки работы на тракторе, преподнесенные в недавние школьные военные годы, не пропали даром. Трактор деловито заурчал и послушно пошел, освещая себе дорогу фарами.

...Аня пахала землю до рассвета. Душа ее радовалась: и дело сделала, а заморенной девушке дала выспаться... Даром, что работник обкома. Они, эти работники, были и такими: горячими, отзывчивыми, простыми – “рабочими лошадками”.

НАДЕЖДА

А она такой и осталась, Аннушка Канева. Теперь уже Анна Никифоровна. Ученый-историк. Доцент. Горячая, нестареющая, любознательная, вдохновенная душа...

Большой пройден жизненный путь. И было на этом пути всякое. Военное лихолетье, прошедшее под знаком тяжелого изнурительного труда. Еще будучи школьницей, в период летних каникул работала она в Детском доме дворником, ночной няней. А днем – в колхозе за “палочки”-трудодни. Как кошмарный сон вспоминается трудовая каторга по лесозаготовке – зимой и “караван” по сплаву леса – летом.

Но Аня работала молча, без нытья, как одержимая. Ей позарез нужны были деньги. Семья у нее была большая, отец с матерью – неграмотные крестьяне – не вылезали из нужды. Надеяться ей было не на кого. Только на себя. Ей хотелось учиться.

ТАКИЕ ВСЕГДА БЫЛИ НУЖНЫ

Настырную, огневую девчущку заметили, да и нельзя было ее не заметить. Такие люди всегда были

нужны, а в ту пору – особенно. Шло восстановление разрушенного войной хозяйства, опять было необходимо мобилизовать народ. Позарез нужны были лидеры, способные увлечь за собой других. Горячая энтузиастка, неравнодушная и отзывчивая Аня Канева подходила для этой цели как никто другой.

Начались годы учебы и непрерывной работы. 23 года своей жизни отдала Анна Канева комсомольской и партийной работе. Дважды направлялась на учебу в Высшие партийные школы – в Сыктывкарскую и Ленинградскую. Сначала она страдала от того, что ей, девушке-коми, приходилось слушать лекции на малопонятном еще тогда русском языке среди видных фронтовиков-политруков, офицеров, но с присущим ей упорством преодолела и этот барьер. Высшие партийные школы закончила с отличием.

Сначала училась сама. Заочно, не прерывая работы, закончила исторический факультет Коми пединститута. Затем стала учить других – преподавала историю в институте. Увлечлась наукой, и в 1970 году в Ленинградском университете им. А. Жданова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Десять лет Анна Канева преподавала в Ухтинском индустриальном институте.

Затем, почти на пять долгих лет, она оказалась не у дел. Но об этом периоде своей жизни Анна Никифоровна не хочет вспоминать. Ни добром, ни худым словом. Сказала только, что за это время под бременем тяжелой несправедливости многие на ее месте могли бы “повеситься” или “спиться”. Но только не она. Она работала, везде находя применение своим знаниям. Бесплатно... Оторванная от родного института, она, тем не менее, спокойно и методично писала очередную диссертацию. В одиночку.

А потом жизнь вернулась в прежнее русло, подхватила ее и понесла, понесла... И снова институт, научная работа, ее любимые студенты, в которых она вкладывала всю душу. И пришло новое увлечение, ставшее делом всей ее жизни: Анна Никифоровна занялась исследовательской деятельностью.

В ЭТОМ ВСЯ ОНА

28 научных и методических работ имеет ученый-историк А.Н. Канева, в т.ч. ранние: “Нефть и газ Севера – фронту”, “Деятельность партийной организации Коми АССР по созданию и развитию нефтегазовой промышленности 1929-1945 гг.”, “Нефть и газ Коми АССР, которые вовлекаются в оборот науки,

образования и воспитания”. А труд “У истоков Коми нефти и газа” потребовал от неумной исследовательницы такого огромного, но радостного “копания” в архивных материалах, что это тоже стало делом ее жизни.

И помимо всего этого: долгие годы руководства школой молодого лектора и секцией по краеведению. Сколько подготовлено ею в одиночку экспозиций музеев комсомольской славы, фондов музеев города Ухты, села Усть-Ухты, комнат трудовой славы предприятий и учебных заведений!

Сколько лекций прочитано! Сколько опубликовано материалов в газетах и журналах! Сколько душевных сил затрачено на все это и еще многое другое, чего и не перечислишь в одночасье!

Но в этой трате душевных сил – вся она. В этом – смысл ее существования на земле. И это не высокопарные слова. Так уж у нее получается...

ДУША ПРОСИТ СВОЕГО, РОДНОГО...

Сейчас у Анны Никифоровны важный жизненный юбилей. Вот уже 12 лет она находится на заслуженном отдыхе. Но что такое отдых, она не знает до сих пор. До недавнего времени преподавала в институте. По-прежнему с увлечением копается в архивах. По-прежнему пишет исторические книги. И с удивительно трепетной любовью всю себя отдает городскому Центру коми культуры, где является одной из самых главных и почитаемых наставниц и советчиц.

На вопрос, что для нее является самым приятным в сегодняшней жизни, Анна Никифоровна ответила:

– То, что сегодня в нашем городе вновь зазвучал наш родной коми язык. Я, к примеру, прихожу в Центр коми культуры – и оттаиваю здесь душой. Наговоримся “по-нашему” всласть, попоем песни – и так отраднo становится. Мы – коми, и по духу, и по жизни, и по характеру. Мы любим людей и уважаем их не по принадлежности к той или иной нации. Но душа просит своего, родного языка...

ОТ РЕДАКЦИИ.

Поздравляем Анну Никифоровну Каневу с ее юбилеем, редакция газеты “Ухта”, с которой она сотрудничает 40 лет, от всей души желает ей еще на долгие-долгие годы оставаться такой же неравнодушной, пытливей и любознательной. Такой же красивой, легкой и молодой душой. Пусть ее так же горячо и азартно влечет к себе жизнь – как все прошедшие годы.

Шуд и дзоньвидзалун Тянлы, Анна Никифоровна!

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ...

...На плавном изгибе Печоры вольготно раскинулась тихая живописная Усть-Цильма. Там, среди старорусского говора и песенной певучести, родилась и выросла Александра, Сашенька. Младшая из двух сестер, любимица матери, главная помощница в доме. Чуть подросла – все на ней держалось: огород, подворье, хозяйство. Воду из речки носить, стирать, готовить – все успевала. Живая, подвижная, хохотушка и певунья, Саша была переполнена жизненной энергией, бьющей через край. И все делала бегом, вприпрыжку. Легкие ноги ее не умели ходить степенным шагом...

ПРИШЛА БЕДА – ОТВОРЯЙ ВОРОТА,

так гласит народная мудрость. В их семье один за одним погибли в авиационных катастрофах мужья маминных сестер – пилоты. А потом случилось то, что одним махом отрезало от жизни и Сашу. От юности, от любимого села, от друзей и мечтаний. Самолет АН-2, отслуживший свой век, поднялся в небо в последний раз: после этого рейса он должен был уйти в “отставку”. Самолет не выдержал своего завершающего полета – упал. На его борту были люди. И была 17-летняя Саша, которая летела в Ухту к сестре на летние каникулы.

Самолет кое-как спланировал посреди таежного болота. И первое, что увидела очнувшаяся Саша, были собственные ноги в черных чулках. И мысль запомнилась: “Почему на мне чулки? Ведь лето, жарко, я же была без чулок”. Но это были не чулки. Ее бесчувственные ноги густо облепили черно-рыжие болотные оводы. Они заполнили собой весь салон...

А потом все шло по сценарию, хорошо известному только тем, кому довелось хоть раз в жизни пережить подобное. Травма позвоночника, и полная неподвижность ног. Бесконечные больницы, мучительные операции, медленное забвение друзей. Жгучие надежды на выздоровление, сменяющиеся невыносимым разочарованием. И постоянная неотступная боль. И желание умереть...

Саша отошла душой только через три года, когда попала в санаторий. Там она впервые увидела множество людей в инвалидных колясках, живущих обычной человеческой жизнью. Они шили, вязали, рисовали, ваяли. Эти люди умели делать все. И главное – они умели жить. Саша поняла тогда: она тоже хочет научиться этому...

ОДИНОЧЕСТВО ОТСТУПИЛО НЕ СРАЗУ.

Счастье, что рядом всегда была мама, бросившая ради своей “бедовуны-дочки” родную Усть-Цильму, дом, хозяйство. Всякий, кто это когда-либо имел, поймет, как нелегко ей было расставаться с родовым местом. Но мама сделала это и переехала с Сашей в Ухту – поближе к цивилизации, к больницам. И еще рядом была старшая сестра с мужем и племянниками. Родные не оставили Сашу в беде – такое в их роду не принято.

Саша убедилась в том, что Бог, послав ей тяжкое испытание, все же не обделил ее. И был к ней настолько милостив, что даже подарил возможность встретить свою Любовь...

ЭТО БЫЛО СЧАСТЬЕ,

которого молоденькая Саша и не чаяла когда-либо иметь. Русоволосый улыбчивый Коля, с кем она встретилась в санатории, напрочь изменил всю Сашину жизнь. У них были схожие судьбы: разбившись в велосипедной аварии в те же 17 лет, что и Саша, Коля навсегда остался прикован к инвалидной коляске. Но не к отчаянию и одиночеству – нет. Саша была поражена, когда впервые приехала к нему в деревню в Саратовской области: дом Колиных родителей оказался в этой деревне своеобразным молодежным клубом, а сам Коля – его мозгом и сердцем. Вокруг него вечно вились парни и девушки, хохотали, пели, зубоскалили. Устраивали вечеринки, концерты, игры, мастерские, спортивные состязания. И лучше всех, заводнее всех, остроумнее всех был ее Коля. Смешливый выдумщик Коля, который умел моментально становиться серьезным, вдумчивым и внимательным, если кому-то требовались его помощь или совет. С этим люди шли к нему всегда.

Не в силах встать на свои собственные ноги, тем не менее Коля умел делать практически все, чем может похвастать не всякий здоровый мужчина.

РУКИ ЗАМЕНЯЮТ ВСЕ

для людей, лишенных возможности ходить. И руки Саши с Колей стали для них тем звеном, которое связывало их с “внешним миром”. Пятнадцать лет супруги проработали на предприятии Ухтинских народных промыслов надомниками-вязальщиками. Но и вне этой работы их руки не знали праздности: они шили, стирали, убрали. Они водили свой любимец

“Запорожец” и обхаживали его полностью, разбирая и собирая до винтика. Они обустроивали и ремонтировали как свою квартиру, в городе, так и дом в деревне. Пекли домашний хлеб в духовке и переставляли шахматные фигуры на доске. Играли в теннис и метали дротики. Ловили в реке рыбу и вручную ткали ковры.

“ЖИЗНЬ ХОРОША САМА ПО СЕБЕ...”

Саша с Колей будто притягивали к себе людей. Рядом с ними улыбались даже самые хмурые. Чего супруги не выносили в других – так это именно уныния, слезливости и жалости к себе, к своим бедам. Они всегда искренне негодовали, когда человек, заболев, начинал терзать себя и своих близких капризами, слезами, непомерными требованиями внимания к своей персоне.

“Чем больше себя жалеешь, – говорил Коля, посмеиваясь, – тем тошнее становишься сам себе и ближним. Ты лучше другого пожалей, того, кто слабее. Жизнь ведь сама по себе хороша! Это мы ее портим своим неумением, бездумьем, хныканьем...”

Таким он и запомнился всем, кто его знал. Коля просто боготворил природу, часто выезжал на озеро, на речку порыбачить. Видимо, простудился. До этого болел почками долго, а тут “сгорел” в одночасье.

И осталась Саша, теперь уже Александра Семеновна, одна...

ЭТО ОКАЗАЛОСЬ ТРУДНЕЕ ВСЕГО –

остаться без любимого человека, друга, жизненной опоры. И привыкать теперь к тому, что его уже никогда не будет рядом. Снова шок, потрясение, крах всего, чем жила все эти годы. Горе от маминой смерти в свое время Александра пережила только потому, что рядом был Коля. Теперь и он ушел. “Бог забирает к себе первыми самых лучших, – объясняла как-то мама. Но кто бы научил, как прожить без них тем, кто остался?”

Иногда было просто невыносимо: куда ни брось взгляд – все напоминало дорогого человека. Впору было биться головой о стену. Но звучал в ушах знакомый мягкий голос:

“Ты человек? Значит, жизнь тебе не зря дана. Живи так, чтобы Бога не подводить, он же от человека терпения ждет, совестливости и мужества. И любви, само собой. К нему, к Богу, к людям, к природе, к животным. К жизни, которую тоже надо любить и ценить. А мы разве умеем? Мы только сами себя в этой жизни любим и жалеем: ах, какие мы бедненькие да несчастненькие, дайте нам то, дайте нам это! И стонем, и ноем, и жалуемся. Вместо того, чтобы просто жить и радоваться каждому прожитому дню...”

И Александра Семеновна поспешно утирает слезы. Нет, она не будет ныть и жаловаться. Наоборот – она ведь счастливая! И пусть она тридцать два года не вставала с инвалидной коляски. Зато она повидала столько городов, узнала столько замечательных людей, познала истинную любовь...

ДВАДЦАТЬ ТРИ ГОДА ЛЮБВИ –

многим ли так повезло в жизни? Но даже если кто-то оказался в этом менее удачлив, разве не самым важным остается главный дар Божий – жизнь, доброта близких, дело, которому себя посвящаешь? Ну почему человек начинает понимать и ценить все это только тогда, когда теряет здоровье, руки-ноги?

– Мне в этом году исполнится 50 лет, – говорит Александра Семеновна и улыбается всем своим свежим, моложавым лицом, – а иногда кажется: батюшки, да ведь я и не жила еще! Столько всего еще хочется

увидеть, понять, узнать. И я ни о чем не жалею. Знаете, как в песне поется: ” Я хорошая, я пригожая, только доля моя такая...” Вот и все. Такая моя доля, и я ей за все благодарна. За маму, за Колю. За жизнь, которую мы с ним прожили интересно, дружно, славно. Много работали. Никому в тягость не были. Нам помогали – и мы помогали. Наверное, это главное в жизни человеческой: дело, любовь, доброта друг к другу.

...Вслушайтесь, люди, – больные и здоровые, бедные и богатые, сердитые и веселые – в эти бесхитростные слова. Как же много в них всего того, что мы сами себя лишаем.

А ведь это действительно так просто: достойно делать свое дело, любить друг друга и творить добро...

ЧУЖАЯ СРЕДИ СВОИХ

Мы занимаемся сегодня глобальными проблемами: возрождением России, развитием экономики, пополнением бюджетов всех уровней и т.д. и т.п. Мы суетимся, изводимся, перенапрягаемся. Мы всячески стараемся подчеркнуть нашу неопишемую занятость, нашу деловитость и значительность всего того, чем мы озабочены. Но все чаще и чаще забываем, ради чего все это. Ради страны нашей, ради вечности, ради “живота своего”? Да нет же: в конечном итоге все дела вершатся для меня, для тебя, для него. Для человека, о чем Глава республики сказал: “Человек – никакой не фактор, не резерв, не ресурс, а конечная цель...”

...Она – человек, эта симпатичная светловолосая девушка (назовем ее Олей). Ей нет еще 18-ти, но жизненную ее дорожку никак не назовешь ровной и гладкой. Не будем сейчас говорить о том, почему так случилось. Причин много, и все они довольно банальны: интеллигентная семья, которая в свое время слыла благополучной, а потом “дала трещину”; мама, постоянно отсутствующая дома из-за своей служебной занятости; развод родителей; конфликты с отчимом и т.д. Оля становится неуправляемой. Мама не понимает ее поведения, добивается послушания, но в ответ получает еще худшие результаты. “Холодная война” в доме между матерью и дочерью, разрастаясь в течение нескольких лет, привела в конце концов к тому, что между ними иссякли последние кровные узы. Мать, исчерпав все средства, отказывает дочери “в доме”, и та оказывается на улице.

Такова краткая предыстория.

В очередной раз (в последний на сегодняшний день) Оля стояла перед комиссией по делам несовершеннолетних в марте нынешнего года. Мать, глотая лекарства, наотрез отказалась позволить дочери жить дома. Перед комиссией во весь свой рост встала проблема: куда теперь деваться несовершеннолетней Оле? А 18-летие не за горами: через 3 месяца.

Корреспондент газеты, присутствовавшая на заседании комиссии, решила проследить, как будет решаться эта проблема. И после долгого разговора с Олей активно вошла “в процесс”, т.е. подключилась к нему лично. Начались бесконечные переговоры со всевозможными инстанциями. В разрешение такого “крупномасштабного” вопроса, как жилье и трудоустройство девушки, корреспондентом были вовлечены: члены комиссии по делам несовершеннолетних, инспекции ОППН, работники отдела по делам молодежи Управления по социальным вопросам, сотрудники Центра занятости, помощник прокурора. Словом, целая когорта авторитетных, влиятельных лиц “взялись” за судьбу Оли.

И та, поверив, что впервые она кому-то оказалась небезразличной, по совету корреспондента тоже стала ходить по инстанциям. Была в Центре занятости, где ее приняли приветливо, поставили на учет и пообещали записать на курсы для овладения какой-либо специальностью. Была в отделе по делам молодежи, где ей пообещали помочь с общежитием. Была у помощника прокурора, где получила обещание “разобраться” с мамой и заверения о том, что юридически она, Оля, имеет все законные права на квартиру, в которой проживала до сих пор, и никто, даже родная мать, не вправе оспорить это...

Оле было дано много обещаний, и она воспрянула духом. Вслух уже мечтала о том, как поселится в общежитии с девчонками, получит хоть какую-то работу, станет учиться на курсах – и будет жить самостоятельно. К слову сказать, все эти недели Оля держалась стойко и достойно: не пила, не бродяжничала, одевалась чисто и аккуратно. И косметики на посвежевшем лице изрядно поубавилось...

Оля верила. Хотя ей было неловко и стыдно оттого, что столько взрослых, загруженных своей работой людей, занимаются ее проблемами. И она изо всех сил старалась не подвести их.

Между тем дни шли, складываясь в недели. Оля обосновалась у подруги, которая живет с мужем в однокомнатной квартире. Муж, конечно, не в восторге от присутствия “жилички”. Вдобавок ко всему, ее приходится еще и кормить-поить. В доме начались ссоры. Но уйти Оле некуда. Совсем недавно ей пришлось даже переночевать в ночлежном доме...

Корреспондент газеты, чувствуя, что силы девушки уже на исходе предприняла все попытки, чтобы ускорить “процесс”: снова лично прошла по всем кабинетам. Просила, убеждала, доказывала, требовала. Ее везде выслушивали с пониманием, кивали, соглашались, но... разводили руками. Оказывается, сделать ничего нельзя. Да, девушке негде жить, но ведь у нее имеется квартира, разве не так? И есть родная матушка. Будь Оля хорошей девочкой, такого бы не случилось, ведь правда? Пусть она идет мириться с мамой – это лучший выход. Мама отказывается? Гм... Тогда маму надо заставить, ведь она в ответе за дочь до ее совершеннолетия. Кто будет заставлять? Ну, наверное, прокуратура. А до тех пор с общежитием... нет, это решительно невозможно. Даже если удастся как-то устроить девушку, кто будет платить за проживание? И работы для Оли, к сожалению, тоже нет. Можно, пожалуй, устроить ее в детский сад няней, но нет никаких гарантий того, что она будет своевременно получать зарплату, видите ведь, что творится в городе...

К тому же при устройстве на работу нужно проходить медкомиссию, а кто это оплатит? И курсов по обучению специальности тоже сейчас нет. Спрашиваете, как ей жить? Но ведь у девушки есть мама...

Круг сузился и замкнулся. И все меньше остается в глазах Оли веры и надежды. Уже не рассчитывая на помощь Центра занятости, Оля сама ищет работу. Любую, за которую платили бы деньги: мыть полы, нянчить ребенка в семье, выгуливать чью-то собаку... Но удачи нет.

Во время бесед с представителями тех или иных структур Оля уже научилась сдерживать себя и молча проглатывает осторожные “справедливые” упреки, типа: “ты сама во всем виновата”, “если бы ты была хорошей девушкой”, “как тебе не стыдно – даже родная мать отказалась от тебя”... Она не требует к себе какого-то особенного отношения. Но, выйдя за дверь, отводит душу в безнадежном плаче... Отрвется и снова отучится в чью-то дверь, где ей обещали помощь. Тем более, что она тоже дала слово: не срываться. Не пускаться “во все тяжкие”. Вытерпеть.

Сейчас все эти комиссии, отделы и ведомства что-то там решают, ломают свои головы над проблемой, которая в принципе яйца выеденного не стоит: дать человеку крышу над головой и возможность заработать на кусок хлеба. Но и эта проблема поставила их в тупик. А что же говорить о сотнях, тысячах задач, которые они должны решать по долгу своей работы? О каком таком возрождении России, грандиозных планах и реформах может сегодня идти речь, если все структуры городских властей не способны помочь одному-единственному, “отдельно взятому” человеку, почти ребенку? А сколько

их у вас, таких “оль”, “наташ”, “даш”, “вить”? Чего же тогда стоят, на что годятся эти наши структуры и власти со всеми их призывами, потугами и... сетованиями на собственное бессилие что-либо изменить?

Дай Бог, чтобы Оля сдержала свое слово. Чтобы прошла все “круги ада”, вытерпела – и не сорвалась. Наверное, тем, кто, будучи раз обманутыми, перестали верить во что-либо и живут в неверии – легче. Но во сто крат тяжелее: поверить в человеческое участие, возможность изменить свою жизнь – и обмануться в этом. И упаси Бог нас с вами оказаться повинными в этом...

Представим на миг, что произошло чудо, и такие “плохие” девочки, как Оля, и такие “плохие” мальчики, как, скажем, Дима или Витя, или Сережа, вдруг перестали быть плохими. И, как по мановению волшебной палочки, превратились в хороших, послушных, добродетельных детей, которых так легко и приятно любить. Что тогда оставалось бы делать всем тем сотрудникам, в чьи обязанности входит как раз работа с “трудными” подростками? Все они лишились бы своего дела, за которое сейчас получают зарплату и пришлось бы им, по словам Остапа Бендера, “переквалифицироваться в управдомы”.

Но пока этого еще не произошло, им надо выполнять свой служебный долг: без всяких упреков, без ссылок на свое бессилие, без фальши и формализма помогать тем, кто нуждается в их помощи. И не на словах и поучениях, а на деле. Не способны? Не могут? Значит, пришла пора уступить свое место другим. Которые смогут. В которых поверят такие, как Оля.

И которые не обманут.

“ПРОСТИ МЕНЯ, ЮРА...”, ИЛИ КОГДА УХОДИТ ЧЕЛОВЕК

В один из поздних осенних дней произошла трагедия – покончил с жизнью парень. Это случилось в г. Ухте.

“ЭТО Я, Я УБИЛА ЕГО!” –

Марина захлебывалась от слез, и на ее лицо невозможно было смотреть: так исказилось оно от нестерпимого страдания. – Если бы не я, он бы жил сейчас! Но я же не знала! Я ведь любила его...

Мы сидели у нее дома за уютным кухонным столом. Я – единственный взрослый человек. Журналистка, по каким-то необъяснимым причинам допущенная до участия в нелегкой этой беседе. Двое угрюмо-молчаливых юношей – Саша и Дима. Подруга Марины – Надя, безостановочно курившая сигарету за сигаретой. И Марина, растрепанная, зареванная, слепо мечущаяся по кухне. Перед нами – остывший чай в чашках, к которому так никто и не прикоснулся...

ЛОХ И ГИМАЛАИ

Со школьной скамьи Юрка числился в “лохах”. Это означает: серятина, тихий, из малообеспеченных. Словом, полная противоположность крутым лидерам и авторитетам в пацаньей среде. Жил он под присмотром деда и бабки; родителей, как он говорил, у него “никогда и не было”: затерялись где-то на дремучих тропах пьянства. Учился Юрка на троечки. Зато зачитывался Жюль Верном и бредил путешествиями и опасными приключениями. “Вырасту – и уеду в экспедицию, –

говорил он бабушке, – в Гималаи, например, или в эту... как ее... в Экваторию”. “Да кто же тебя, неуча, туда пустит? – сердилась бабушка, – учиться не хочешь, а туда же – на экватор собрался”. “А я – рабочим, – смеялся Юрка, – грузы буду таскать. Рабочему пятёрки по фигу. Зато весь мир увижу!...”

НАЧАЛО КОНЦА

Но все сложилось так, что мир показался прекрасным ему, увы, не в “Экватории”, а здесь, в родном городе. На пыльном подавленном топчане в подвальном полумраке. Когда первая струйка пахучего голубоватого дыма “травки” обволокла мозг и распахнула перед шестнадцатилетним Юркой врата наркотического “рая”...

Это было начало конца. “Классные пацаны”, с которыми однажды свела Юрку судьба, взяли его под свою опеку. Здесь его никто не обижал, здесь он был со всеми на равных, здесь никто не смотрел с презрением и насмешкой на его стоптанные ботинки, немодные брюки, куцую куртешку. Здесь, в подвале, он почувствовал себя “значимым” человеком.

Но за все это нужно было платить, и Юрка это понимал. “Травка” стоила денег, и немалых. Когда ему в первый раз сказали сколько – он даже не поверил, а поверив, струхнул. Отродясь у него не было таких денег. “Возьми у бабки с дедом”, – мягко посоветовали ему.

“Да у них только пенсия...” – отмахнулся Юрка. “Тогда вкальвай, братан, не ленись...”

Почти целый год он “вкальвал”: автобусы, дачи, коммерческие ларьки, запоздалые прохожие – все шло в ход. Ему почему-то везло: ни разу не попался. Однажды в автобусе так подфартило, что он даже глазам своим сначала не поверил: в украденном кошельке оказалось полтора миллиона! Когда Юрка в полном “прикиде” – кроссаки, джинсы, кожан – появился перед бабушкой, та ахнула и обомлела, Юрка щедро одарил бабулю сотней, снисходительно пояснив, что работает в одной серьезной фирме. Та всплакнула на радостях, а больной дед, натужно кашляя, долго бубнил о преимуществах работы против безработицы, о пользе честного труда против пустого шатания по улицам.

...Когда Юрка почувствовал опасность всего того, чем он жил все это время? Когда его уже перестала удовлетворять легкая “травка” и он попробовал “иглу”? Или когда за этот кайф ему предъявили счет, от которого он будто удар под дых получил? Сначала подумал: над ним просто пошутили, прикольноули. Но нет, те ребята шутить не любят.

...Или когда с Мариной познакомился?

ЧОКНУТЫЙ

– Мы с ним на пляже встретились, – Марина, устав мерить магами кухню, села, наконец, за стол и нервно сцепила пальцы, – в волейбол поиграли, потрепались. А когда мы с Надей домой собрались, он с нами пошел. Ну и стали... дружить. Мне он понравился: веселый, прикольный такой. Много всего знает и про всякие страны. И не жадный: браслет мне купил, сумку... Мы с ним в бар ходили, на дискотеку. Мама все допытывалась, кто он да где работает, а я знала только, что в фирме какой-то строительной. А однажды он пришел странный такой, будто больной, все молчал, все думал что-то. Я и пристала к нему: что да почему? А он вдруг и брякнул: наркоман я, Мариш, говорит, на игле сижу... Я чуть инфаркт не схватила. Ты что, говорю, чокнутый?..

“...Ты что, чокнутый?!” – ахнула Марина, когда Юрка вывернул себя перед ней наизнанку. И, пожалуй, впервые он осознал: а ведь действительно, чокнутый. К тому времени он уже чувствовал, что завяз по самые уши, но не давал себе основательно задумываться об этом. Все казалось, само собой утрясется. Не представлял себе, как слезет с “иглы”, как проживет без привычного кайфа в жизни, где надо что-то делать, принимать какие-то решения, нести какие-то обязанности, работать, слушать нудное бабкино нытье...

Но – долги, которые надо отдавать за кайф. Но – Марина, первая светлая любовь... Как совместить все это?

Открывшись перед подругой в момент тяжелого наркотического похмелья, сам пораженный ее потрясением, Юрка вдруг испугался. Будто увидел пропасть, разверстую у самых его ног. Потерянно бормотал Марине слова утешения, говорил, что обязательно слезет с “иглы”, пойдет работать на постройку частных гаражей, куда его звали, купит квартиру, а после армии они поженятся... И сам верил себе.

Но страх не проходил. И Юрка бросился к давним своим дворовым приятелям – Сашке и Димке, от которых отделился почти два года назад. Те уже в лесотехникуме учились. Все им рассказал. Они посочувствовали: “Да, пропадаешь ты...”

И еще почти полгода тянулось все это, когда Юрка то порывался завязать, то снова уплывал в свои “путешествия”. А долг все рос, как снежный ком, и добывать деньги было все труднее.

Но грянули колокола, когда Юрке было объявлено, что он “поставлен на бабки” и “включен счетчик”. “Вы что, мужики?” – забормотал он, – у меня столько бабок в жизни не будет...” – “Ты тут перед нами пальцы не гни, – сурово сказали ему, – за кого ты нас держишь? Короче, срок тебе – неделя. Не уплатишь – хату заберем”. – “Там же старики...” – “Зажились твои старики. Поможем им до рая добраться. А ты как законный наследник хату нам продашь. Должок вернешь, и еще себе останется. Но гляди, братэла, если в ментовку побежишь...”

Глянул Юрка в пустые волчьи глаза и понял: все...

До конца недели метался по слякотному осеннему городу, не спал вовсе, об “игле” и не вспоминал. От непривычного напряжения мысли вспухала голова. Бегал по старым друзьям, по знакомым. Сбивчиво, бессвязно пытался что-то объяснить. На деда с бабкой не мог даже смотреть: обрывалось сердце.

А в пятницу вечером пришел к Марине.

“МЫ ТОЖЕ”

– Он был как сумасшедший какой, – Марина устала перед собой застывшим взглядом, – весь трясся и говорил, как пьяный. Мы на площадке стояли, и я боялась, что выйдет мама и увидит его такого... Он денег просил достать... десять миллионов! Говорил, нужно срочно, к субботе. Попроси, говорит, у отца. Я, дескать, отработаю, верну... Ну, тут я совсем с катушек съехала. Вот, думаю, свинья, совсем обнаглел, обколоса до одури. Такая злость меня взяла, я ведь ему верила... Ну и налетела на него, все ему выложила. Но я хотела только встряхнуть его, понимаете? Чтобы он бросил заниматься этой гадостью. Господи, если бы я только знала!.. Я орала на него и ногами топала... А он только смотрел на меня, и глаза у него были такие... Я в жизни еще ни у кого не видела таких глаз, даже в кино... И вдруг как заплачет... и вниз ломанулся. О, Господи!..

Марина со стоном уткнулась в ладони, и Надя, резко бросив сигарету, обняла ее за плечи, привлекла к себе, будто баюкая. Дима с Сашей одновременно шумно выдохнули и одновременно закурили.

– Мы тоже... – угрюмо пробасил Саша, – он же приходил к нам с Димоном. Говорил что-то такое... нереальное. Я еще подумал: ну все, поехала крыша у парня. Какие-то крутые пацаны. какой-то долг, какие-то бешеные лимоны... Вроде, кто-то его стариков замочить грозитя... Мы ему сказали: если тебя кто-то так напрягает, сходи в ментовку. Он так по-идиотски засмеялся... А кто, что, почему? – так и не объяснил. Знать бы теперь, что это за крутыши такие были...

ОДИН

...Юрка шел по вечерним улицам, и первый тонкий ледок хрустел под ботинками. Шел и все еще слышал язвительный Маришкин голос. Он бил его в уши, заглушая все звуки вокруг.

“...Ты на себя посмотри, подонок! Ты же дерьмо! Самое настоящее! Шизик! Лимонов ему захотелось! Что, наркотой запастись надо? Все мало тебе? Видеть больше не могу твою дебильную, пропитую рожу! А я-то, дура набитая, еще верила тебе! Думала, что я что-то значу для тебя! А тебе только твоя игла по кайфу! Уйди лучше с моих глаз! Я лучше повешусь, чем с тобой буду!..”

“Я лучше повешусь! Я лучше повешусь!” – неслось над засыпающим городом...

И пришло решение, единственно возможное в тот миг. Другого выхода просто не оказалось. Ведь дед с бабкой... они-то в чем виноваты? Пусть еще поживут.

А потом были похороны.

ВОТ И ВСЕ.

...Когда человек уходит из жизни в свой срок, как падает с дерева увядший лист, – это печально. Но естественно и закономерно. Другой, еще живущий, задумывается на миг о том, о чем редко думается в суете быстротечных дней: что есть смерть? Что есть жизнь? Так ли он живет? И зачем? И снова – в жизнь, в суету, в борьбу, в хлопоты...

Но когда из жизни уходит человек юный и, что самое страшное, уходит добровольно, то охватывает смятение и боль: Господи, что же это мы, люди,

натворили? И почему так складывается жизнь, что она становится невыносимой для наших детей?

Кого в этом винить? Их самих, таких бездумных, таких глупых, таких неприспособленных? Их беспутных родителей? Жизнь, общество, школу, милицию? Судьбу?

ЭПИЛОГ

...Через неделю после нашей встречи мне вдруг позвонила Марина.

– Вы только не смейтесь, – сказала она взволнованно, – но знаете, я ходила в церковь. Свечку поставила. Правда, молиться я не умею. И еще мне сказали, что за самоубийц не молятся. Но как же так? Ведь Юра не виноват. Это я виновата!

Марина помолчала и тихо добавила: “Я попросила Юру, чтобы он меня простил. Как вы думаете – простит?..“

Что тут скажешь?

Алексей МИЛЬКОВ

ОЧЕРКИ ТАМАРЫ НОВИКОВОЙ

Автор этой подборки очерков Тамара Новикова прошла активный жизненный путь, работая режиссером театра, а в настоящее время журналистом газеты “Ухта”, то есть она специалист по социальным проблемам, прекрасно разбирающаяся в человеческой психологии. Насколько известно, пишет рассказы и замахивается на еще большие литературные формы.

В очерках представлена наша среда бытования, в которой больше задаешь вопросов, чем получаешь ответов. Иначе разбираться в этой жизни было бы очень просто. И преобладание ухтинской тематики не указывает на узкую специфичность. Наоборот, их многоуровневость четко доказывает, что мы живем не в изолированном мире, а “шагаем” в ногу вместе со всей страной.

В основе очерков Т.Новиковой – человек. Но какой? Под какую из следующих классификаций он подходит из ее творчества? Вот они:

– Человек с большой буквы;

– по механистической формулировке о человеческой единице Главы Республики Коми Ю. Спиридонова, сказавшего: “Человек – никакой не фактор, не резерв, не ресурс, а конечная цель”;

– или по выражению Максима Горького: “Человек звучит гордо!”, но с легкой руки острословов превратившееся в “Человек звучит горько”;

У Тамары Новиковой свое определение: “человек дает трещину, и ему надо помочь всеми силами”. Она характеризует человека так, как его видит, как чувствует, как понимает.

Каждое время рождает свои темы, но борьба нового со старым всегда была и будет. Задача писателя выявлять подобные конфронтации и конфликты, выпячивать их до уровня понимания, чтобы каждый читатель мог научиться вырабатывать свой собственный закон действия или противодействия в жизненных, не всегда простых ситуациях, чтобы потом не удивляться азбучным истинам, как в очерке “Чужая среди своих”: “Но ведь у девушки есть мама!”

Чередой проходят судьбы людей: потрепанных, неустроенных, одураченных, хлебнувших лиха. В общем разных, но нет черных душ, а есть не разобравшиеся в сложных перекрестках жизни.

Наши проблемы начинаются не сразу, не вдруг, не с порога. Они свиваются в тугую узел непонимания не только чрезвычайных задач. Мы видим свет далекой звезды, и совсем рядом, по странному обстоятельству, не зрим свет в конце тоннеля. Жизнь есть жизнь, и окрест нас бурлят подпитывающие соки, в которых кто-то, бывает, и тонет. Есть полезные, как минеральная вода, а есть вредные, как стоки. Надо находить эти потоки, разводить их по разные стороны и ставить спасительные ограждения. Кому же, как не исследователю душ – писателю, делать это лучше?

Тамара Новикова этим занимается и незаурядно преуспевает.

Автор называет вещи своими именами, не тонирует стекла, оттого историческая ценность очерков только

возрастает. Картины жизни и человек в ее очерках выписаны скрупулезно, входят в нравственную, животрепещущую, волнующую систему мира.

Ее истории “маленьких человечков” не теряются как пылинки в мироздании, а вырастают как герои Чарли Чаплина до значимости. Думается, что эти ее очерки, созидательность которых в строительстве нового общества не вызывает сомнения, выдержат испытание временем.

Существует литература оптимистическая и пессимистическая. К какому разряду отнести очерки Т. Новиковой, если они о нас и плохих и хороших?

Очерки часто заканчиваются знаменательными словами, которые дают надежду и определяют степень отношения автора ко всему происходящему, что указывает на оптимистический лейтмотив произведения, на его настроение. Например, в очерке “Большуха” Агафья”:

“Если спросить теперь Агафью, что ждет ее впереди, она ответит так же просто: “Встреча с Богом”. Не смерть, нет, а вот так: “Встреча с Богом”. Что ж, в том тоже есть своя житейская мудрость...”

Возникает интересный вопрос: Тамара Новикова больше писатель или журналист? Владеть бойким пером главное в работе журналиста, но не основное в творчестве писателя. И вот здесь несомненный успех Тамары Новиковой, обладающей ярко-изобразительным мастерством. Автор тяготеет к художественному очерку (если знать, что существуют и другие разновидности: научная, публицистическая). Именно, к художественному – когда образ теснит протопип.

Нравится очень рациональная форма написания очерков, в частности, разбивка их на части с выделением названий, заканчивающих предыдущую часть и начинающих следующую. Например, (“Большуха” Агафья”):

“Четверых малюток схоронила Агафья с мужем. Изошла душа материнскими слезами. А тут и новое горе обрушилось.

ОХ, ВОЙНА, ВОЙНА...

На всю жизнь запомнились Агафье годы военного лихолетья. Опустела деревня без мужиков... И, видно, из-за могунтой своей силы да роста своего завидного назначили ее бригадиром всей деревни”.

Трудно относиться без почтения к жанру литературы, который сегодня продолжает лучшие традиции классиков. К большому сожалению, сегодня очеркам уделяется незаслуженно мало внимания. А ведь очерки обладают не меньшей ценностью, чем рассказы и романы. На очерках сделали свое имя Вольтер, Дидро, Паустовский, К. Симонов и многие другие писатели. Вяч. Шишков, автор романа “Угрюм-река”, много странствовал, дотошно и пристально наблюдал северо-западную деревню и выпустил сборник очерков “Ржаная Русь”. Чехов рисковал своей жизнью, добираясь на край земли на Сахалин, чтобы написать очерки о каторге. Так что вопрос “Нужен ли читателю очерк?” отпадает сам собой.

Очерки Тамары Новиковой прошли газетную проверку и доказывают, что они выше планки единичных публикаций, и поэтому достойны лучшего применения.

То есть книги.

ПЕРСОНАЛИИ

“НЕ ИЗМЕНЯЯ СОСТОЯНИЮ ДУШИ...”

...Более полувека назад на северной земле Коми встретились два человека – узбек Телекмурат Юлдашев и украинка Надежда Крапивная. Они прожили здесь свой ГУЛАГ, создали семью, родили двоих детей. Север стал их судьбой, их домом, их родиной, их жизнью и их последним пристанищем...

Я, их дочь, родилась в г.Сосногорске, и вот уже 48 лет Север является родиной и для меня. Я выросла в поселке Сосновка, училась в Архангельске и в Москве, три года жила в селе Усть-Цильма, а последние 20 лет живу в Ухте. Имея специальность театрального режиссера, 9 лет отработала в театре при заводе УГСМ. Затем, с изменением событий в стране, связанных с Великой Перестройкой, когда театры стало некому содержать, вместе с многими другими прошла школу “рыночных отношений”. Оставив за плечами довольно неудачный опыт работы в коммерции, я, наконец, пришла к тому, к чему стремилась с юности – стала писать. Такую возможность предоставила мне редакция городской газеты “Ухта”, и я всегда буду благодарна ей за это.

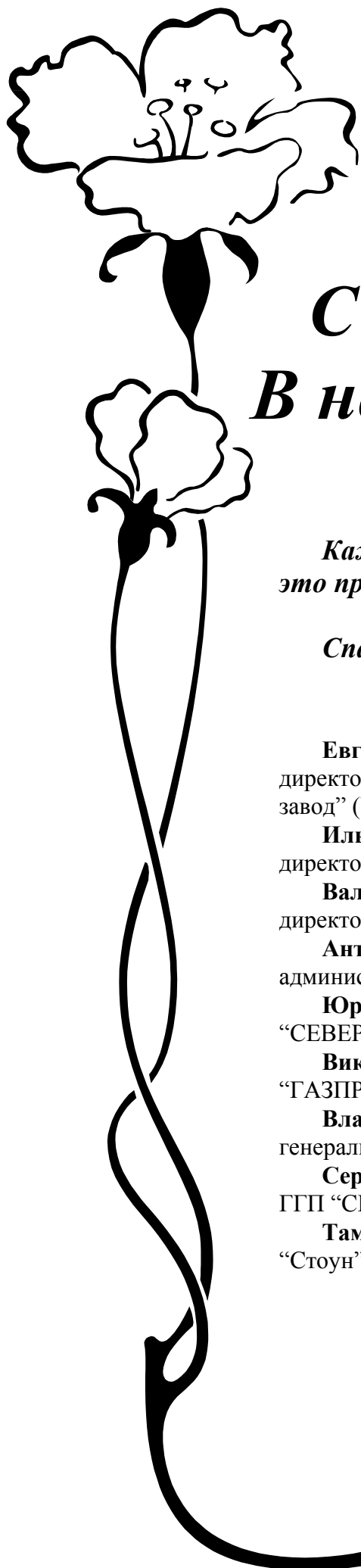
Сколько себя помню – я писала. Писала в школе – маленькие рассказы в ученических тетрадках. Писала в институте – пьесы для студенческого театра, рассказы и повести. Писала, когда работала в заводском театре (театр был второй частью моей души). Тогда же Коми книжным издательством был издан мой рассказ “Ковбой” в сборнике “Диалог под звездами”. Писала и тогда, когда пробовала себя в явно нелюбимом деле – в коммерции. Между командировками, деловыми переговорами, суетой и нервозностью я писала – детские рассказы и сказки, повести и размышления-эссе, пьесы для театра и главы большого романа “о жизни”. Занималась в городском литературном объединении.

Но окончательно свой “писательский зуд” я смогла удовлетворить только тогда, когда стала работать журналистом в газете “Ухта”. Публиковалась и в республиканских газетах: в “Красном знамени”, в “Республике”, в “Коми му”. За три года работы в газете удостоивалась чести иметь звание “Журналист года”, дважды была призером и лауреатом Республиканских конкурсов в области журналистики.

Наверное, все это говорит о том, что сейчас я нахожусь на верном для себя пути. Хоть и “немало пройдено дорог, немало сделано ошибок”, все же я, кажется, не изменила главному своему состоянию души: быть в гуще жизненных событий, проживать их, сопереживая другим, и писать, писать, писать об этом...

Имею и большую мечту: вырастить добрыми и счастливыми своих детей – сына-студента и дочь-школьницу. И дописать свой большой роман “о жизни”...

Тамара НОВИКОВА.

С Новым – с 2000-м! В новое тысячелетие!

Каждый номер журнала “Ухта литературная” – это праздник для Ухтинской истории!

Спасибо за праздник!!!

Евгению Васильевичу Ипполитову, генеральному директору АО “Ухтинский нефтеперерабатывающий завод” (УНПЗ);

Илье Григорьевичу Клеонскому, генеральному директору ОАО “ЛУКойл Ухтанефтепереработка”(УНПЗ);

Валентину Павловичу Короткову; генеральному директору ОАО “Северные магистральные нефтепроводы”;

Антонине Алексеевне Каргалиной, зам. главы администрации города;

Юрию Витальевичу Илатовскому, директору “СЕВЕРНИПИГАЗ”;

Виктору Васильевичу Кирушеву, управляющему “ГАЗПРОМБАНК”;

Владимиру Борисовичу Ростовщикову, генеральному директору ГПП “СЕВЕРГЕОФИЗИКА”;

Сергею Викторовичу Соколову, главному геофизику ГПП “СЕВЕРГЕОФИЗИКА”;

Тамаре Иозасовне Ачиловой, директору ООО “Стоун”.

СОДЕРЖАНИЕ

Тамара НОВИКОВА

(Предисловие Бориса Шахова)

ОЧЕРКИ

	стр.
Один день из жизни деловой женщины	1
На войне – как на войне	3
“Просто я его люблю...”	4
“Красивый бор” хочет жить!	5
“Большуха” – Агафья	7
Три возраста Александры	8
Глубинка	11
Убить в себе дракона	12
Кандалы или любовь?	14
Иждивенцы? “Кулаки”? А может, хозяйева?	14
Ночлежка	16
Мама на обочине	18
Черная быль семьи Окуловских	19
Одинокие отцы	21
Жизнь моя... иль ты приснилась мне?	23
Рандеву под звездным небом	24
Собака бывает кусачей... только от жизни собачей	25
Судьба моя Коми	27
Главное в жизни человеческой	28
Чужая среди своих	29
“Прости меня, Юра...” , или когда уходит человек	30

Алексей МИЛЬКОВ

ОЧЕРКИ ТАМАРЫ НОВИКОВОЙ 35 стр.

ПЕРСОНАЛИИ 36 стр.

Литературно-критический журнал “Ухта литературная”

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков	тел.	1-74-91
Игорь Терновский		6-12-46
Валерий Жвков		4-52-95

Отпечатано при содействии
ООО фирма “Стоун”
Директор Ачилова Т.И.